

В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка.

Талантливый поэтъ въ области духовныхъ настроеній Ѳ. Н. Глинка былъ замѣшанъ въ дѣло декабристовъ и сосланъ на жительство въ Петрозаводскъ подъ надзоръ полиціи. Хотя Глинка вскорѣ получилъ мѣсто старшаго совѣтника губернскаго правленія; но крайне тяготился пребываніемъ въ Петрозаводскѣ, который, по его словамъ, «по самозванству называется городомъ». Его смущала мысль о смерти «на чужбинѣ, въ странѣ, гдѣ и самая весна, пролетая быстро, какъ испуганная птица, не успѣваетъ нагрѣть могилу и вырастить на ней цвѣтокъ». Глинка просилъ Гнѣдича выхлопотать ему переводъ, а Гнѣдичъ передалъ эту просьбу Жуковскому. По ходатайству Жуковскаго, Глинка въ 1830 г. былъ переведенъ въ Тверь, съ оставленіемъ подъ надзоромъ полиціи.

Черезъ 9 лѣтъ Глинка, проживавшій уже въ Москвѣ, пожелалъ издать статью «Очерки Бородинскаго сраженія»; но московская цензура не разрѣшила на томъ основаніи, что считала недозволеннымъ печатаніе чего либо о Бородинской битвѣ и событіяхъ 1812 г. (!). Глинка просилъ о разрѣшеніи графа Бенкендорфа, просилъ Жуковскаго похлопотать у генерала Дуббельта. «Привыкнувъ полагаться во всѣхъ моихъ бѣдахъ на васъ, писалъ онъ Жуковскому, какъ на добраго моего генія, я ожидаю, что и въ этомъ разѣ одолжите и утѣшите»... Жуковскій писалъ Дуббельту, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ: «Вы будете не только моимъ дядюшкою, но и дѣдомъ, а если хотите, и отцомъ роднымъ, если поможете моему доброму Глинкѣ. Посылаю вамъ его письмо, адресованное ко мнѣ, изъ котораго увидите, чего онъ проситъ. Прошу васъ за него и никакъ не жду отказа. Только оберните все кругомъ пальца»... 1).

Статья Глинки была просмотрѣна Михайловскимъ - Данилевскимъ и разрѣшена для печати, съ устраненіемъ мѣстъ, несогласныхъ съ официальными свѣдѣніями.

1) Дубровинъ, въ Рус. Стар. 1902, IV, 114.

В. А. Жуковскій и братья Тургеневы.

Одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей начала XIX ст. Ник. Ив. Тургеневъ, сынъ извѣстнаго члена Дружескаго Ученаго Общества Ив. Петр. Тургенева, принадлежалъ къ тайному Обществу Союзу Благоденствія, присутствовалъ на 6 засѣданіяхъ и задумывалъ изданіе журнала ¹⁾. Въ 1821 г. Союзъ прекратился, а въ началѣ 1824 г. Тургеневъ, съ разрѣшенія властей, уѣхалъ за границу. Послѣ событія 14 декабря, ему поставлены были въ вину его дружба съ декабристами, его горячее сочувствіе идеѣ освобожденія крестьянъ. Тургенева вызвали на судъ; онъ не явился и былъ приговоренъ заочно къ ссылке въ Сибирь въ каторжныя работы. Въ Россіи остались его братья, Сергѣй, вскорѣ умершій,—и Александръ, близкій другъ Жуковскаго и Пушкина. Н. Тургеневъ жилъ сначала во Франціи, потомъ въ Англіи, затѣмъ, снова во Франціи. Н. Тургеневъ былъ человѣкъ глубокаго ума и благороднаго характера. Друзья, въ особенности Жуковскій, дорожили его письмами. Его перу принадлежитъ вышедшее за границей сочиненіе «La Russie et les Russes». Жизнь Тургенева за границей была тяжелая. Русскіе его избѣгали. Даже входъ въ русскую церковь былъ закрытъ ему, человѣку религіозному. Онъ не могъ повѣнчаться у русскаго священника, и долженъ былъ прибѣгнуть къ услугамъ греческаго іеромонаха. Но Жуковскій не побоялся выступить въ его защиту. По возвращеніи изъ заграницы въ 1827 г. Жуковскій представилъ Императору Николаю Павловичу большую записку, написанную очень стройно и убѣдительно, въ которой доказывалъ, что Н. Тургеневъ не можетъ быть осужденъ, какъ государственный преступникъ и что онъ, по складу своихъ убѣжденій, не былъ и не могъ быть врагомъ самодержавія, не могъ желать введенія республики или конституціоннаго правленія въ Россію, потому что это было въ противорѣчій съ главнымъ его желаніемъ, чтобы въ Россіи было уничтожено рабство помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ, напротивъ, утверждалъ, что свободу крестьянамъ въ Россіи можетъ приготовить и даровать одна только само-

¹⁾ Подробная біографія Н. Т. В. И. Семевского въ 67 т. Энцикл. Словаря Брокгауза и Ефрона и у Н. О. Дубровина въ IV кн. Рус. Стар. 1902 г.

державная власть. По характеру своему Н. Тургеневъ ни на что преступное не былъ способенъ ни мыслью, ни дѣломъ. «Если по обстоятельствамъ нельзя уже снять изъ него приговора, говорить Жуковский въ концѣ записки, то самая справедливость требуетъ облегчить его положеніе: онъ боленъ, пребываніе въ Англіи для него убійственно». Жуковский просилъ Государя распорядиться, чтобы русскія миссіи не тревожили Н. Тургенева впѣ Россіи. Просьба эта была уважена, что было большимъ облегченіемъ участи Тургенева ¹⁾. Полное оправданіе Н. Тургенева, съ возвращеніемъ чина дѣйствительн. статскаго совѣтника, послѣдовало лишь въ 1856 со стороны императора Александра II, по ходатайству графа Орлова ²⁾. Любопытно, что тотъ же эмигрантъ Н. Тургеневъ, по просьбѣ своего брата Александра и Жуковскаго, въ 1826 г. составлялъ реестръ классическихъ произведеній для библіотеки В. князя Александра Николаевича ³⁾. Жуковский всячески одобрялъ и поддерживалъ Н. Тургенева. Александръ Тургеневъ писалъ брату въ 1827 г.: «Жуковский увѣренъ, что ты переносишь свое положеніе твердо... У кого была сильная мысль, порожденная любовью къ человѣчеству, тотъ не можетъ быть несчастливъ и въ неудачѣ; ибо сильная мысль, какъ сильная любовь, наполняетъ всего человѣка... И по сію пору Россіи одно нужно прежде всего: уничтоженіе рабства. Послѣ всѣ прочія къ чему приложатся» ⁴⁾.

Трагательный литературный подарокъ Жуковскаго Н. Тургеневу — апологъ. Въ 1827 г. 21 марта Александръ Тургеневъ писалъ брату въ Лондонъ: «Сію минуту принесъ ко мнѣ для тебя Жуковский сочиненную имъ басню въ прозѣ, тебѣ посвященную. Вотъ копія: «Кусокъ золотой руды лежалъ въ горнилѣ на сильномъ огнѣ. Галикъ смотрѣлъ на него изъ за угла и такъ рассуждалъ: «Бѣдное золото! Жаль мнѣ тебя, какъ тебя жгутъ и мучать! Какому жестокому тирану досталось ты въ руки! Между тѣмъ огонь погасъ, и золото вышло чистымъ изъ горнила. Изъ него сдѣлали крестъ, и люди стали обожать въ немъ символъ спасенія. Глупый голикъ, тебѣ ли судить о золотѣ?... Голикъ можетъ охать, смотря на огонь; но тотъ, кто самъ золото, скажетъ смиренно: огонь на минуту, а чистота навсегда»... ⁵⁾.

Все доброе, что сдѣлалъ Жуковский относительно Н. И. Тургенева, относится и къ брату его Александру Ивановичу, который принималъ горячее участіе въ судьбѣ младшаго брата. Жуковский и А. Тургеневъ часто шли рука объ руку и помогали другъ другу въ дѣлахъ благотворительности.

¹⁾ Русск. Арх. 1895 III, 13—76.

²⁾ Русск. Арх. 1871.

³⁾ *ibid*, 1895 III, 35.

⁴⁾ *ibid*, 36.

⁵⁾ *ibid* 36—37.

В. А. Жуковскій и А. М. Тургеневъ.

Высокія достоинства Жуковского, какъ вѣрнаго друга и прекраснаго семьянина, раскрываются въ его многочисленныхъ письмахъ къ Александру Мих. Тургеневу, обнимающихъ продолжительное время съ 1833 по 1851 г. включительно. Здѣсь ярко выступаетъ прекрасная личность Жуковского, какъ друга, мужа и отца ¹⁾. В. А. Жуковскій въ самыхъ разнообразныхъ формахъ выражаетъ въ этихъ письмахъ свою дружбу, довѣріе и любовь къ А. М. Тургеневу. Онъ хлопочетъ за Тургенева во всѣхъ его житейскихъ нуждахъ, безъ всякой просьбы съ его стороны посылаетъ ему деньги и проситъ не торопиться ихъ возвратить и возвратить «безъ малѣйшаго для себя обремененія». Когда Тургеневъ овдовѣлъ, Жуковскій хлопоталъ о приѣмѣ его дочери въ институтъ, самъ назвался «быть ея опекуномъ дѣломъ, а не званіемъ», обѣщалъ похлопотать и о сынѣ Тургенева. Жуковскій далѣе рекомендуетъ Тургенева, какъ «честнѣйшаго человѣка» на высокіе посты государственной службы (Т. былъ губернаторомъ). Въ письмахъ онъ называетъ его пріятельски, «Мой милый Александринусъ,» «душа моя Ермолафушка. Въ письмахъ 1841—1851, когда Жуковскій обзавелся собственной семьей, разсѣяно множество свидѣтельствъ о необыкновенно чуткой и предупредительной заботливости Жуковского о здоровьѣ жены, о воспитаніи своихъ дѣтей. Въ этихъ письмахъ семейная жизнь Жуковского подробно раскрывается съ наилучшей ея стороны ²⁾.

* 1) Письма эти изд. въ *Русск. Стар.* 1892 г., т. 76, стар. 361—497.

²⁾ Недавно К. Я. Гротомъ изданъ интересный дневникъ А. М. Тургенева (см. В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г.)

В. А. Жуковскій и И. В. Кирѣевскій.

Имя И. В. Кирѣевского давно уже завоевало почетное мѣсто на страницахъ исторіи русскаго просвѣщенія и исторіи развитія національнаго самосознанія, какъ имя одного изъ главныхъ родоначальниковъ славянофильства. И. В. Кирѣевскій родился въ Москвѣ въ 1806 г., росъ и развивался подъ руководствомъ матери Авдотьи Потровны, урожд. Юшковой, племянницы Жуковского, вочима Елагина и дѣда-дяди Жуковского. Съ дѣтства связанный тѣсной дружбой съ Авд. Петр., Жуковскій намѣревался посвятить себя воспитанію ея дѣтей: онъ считалъ это «однимъ изъ главныхъ дѣлъ своей жизни». Пробывъ два года въ имѣніи Кирѣевскихъ Долбино, Жуковскій по своимъ дѣламъ уѣхалъ въ Дерптъ, затѣмъ въ Петербургъ; но вліяніе его оставило глубокий слѣдъ въ чуткой душѣ даровитаго юноши Кирѣевского. Высказывалось уже предположеніе, весьма правдоподобное, что литературная дѣятельность, которую впослѣдствіи избралъ И. В. Кирѣевскій, была внушена ему Жуковскимъ. Его же вліяніемъ можно объяснить и то идеально-поэтическое настроеніе мыслей, какимъ всегда отличался Кирѣевскій. Жуковскій, горячо полюбившій И. В. Кирѣевского за его способности и возвышенную чистоту души, былъ первымъ и неизмѣннымъ его другомъ и совѣтникомъ. Кирѣевскій въ свою очередь на всю жизнь († 1856 г.) сохранилъ горячую любовь къ своему воспитателю: «Удивительный чело-вѣкъ этотъ Жуковскій, писалъ впослѣдствіи Кирѣевскій. Хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако, при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе чѣмъ предполагалъ». У Ив. В. Кирѣевского было 4 брата, Петръ Кирѣевскій, знаменитый собиратель народныхъ пѣсенъ, и 3 сводныхъ брата Елагины, съ которыми Кирѣевскіе жили очень дружно. Въ 1830 г. Жуковскій писалъ ихъ матери: «Въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей. Пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ. Дойдутъ къ добру». Пророчество Жуковского не оправдалось; изъ Елагиныхъ не вышли писатели; но сама Авдотья Петровна пережила своихъ сыновей († 1877) и скончалась глубокой старухой у младшаго сына

Василія Елагина, въ теченіе многихъ лѣтъ сохранивъ живыя литературныя связи съ выдающимися русскими писателями. Ея московскій литературный салонъ въ 30—40-хъ годахъ пользовался большою извѣстностью. Здѣсь, между прочимъ, возникла мысль объ изданіи журнала «Европеецъ» (1831 г.), цѣлью котораго было содѣйствіе «народному благосостоянію» и развитіе общественнаго мнѣнія. Изданію журнала предшествовало предпринятое въ 1830 г. И. В. Кирѣевскимъ путешествіе за границу. Сначала Кирѣевскій побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ десять дней, помѣстившись у Жуковскаго въ такъ наз. Шепелевскомъ домѣ Зимняго дворца. Жуковскій одобрилъ намѣреніе Кирѣевского поучиться въ Берлинѣ. Въ Петербургѣ Кирѣевскій, при содѣйствіи Жуковскаго, познакомился съ разными писателями и осмотрѣлъ достопримѣчательности города. За границу Кирѣевскій отправился съ рекомендательными письмами Жуковскаго въ Берлинъ и Парижъ. «Въ Берлинѣ, писалъ Жуковскій Авдотѣ Петровнѣ, мое письмо познакомить его прозаически съ нашимъ посломъ, который дастъ ему рекомендательныя письма далѣе, и поэтически съ Гуфландомъ... Въ Парижѣ онъ найдетъ Тургенева, котораго я просилъ присосѣдить его къ себѣ и быть ему руководцемъ»... По возвращеніи въ Россію, Кирѣевскій сталъ издавать журналъ «Европеецъ», въ которомъ приняли участіе Жуковскій, Языковъ, Баратынскій, Хомяковъ, кн. Вяземскій, А. Тургеневъ, кн. Вл. Ө. Одоевскій. Радуюсь появленію новаго журнала, Пушкинъ общалъ свое сотрудничество. «Европейцу» предстояла блестящая будущность: къ нему примкнуло много талантливыхъ писателей. Но лишь только вышла вторая книжка журналъ былъ запрещенъ, статьи подверглись крайне одностороннему осужденію и несправедливымъ заподозрѣваніямъ. Усмотрѣны были и неблагонамѣренность, и проповѣдь конституціи, и вражда къ иностранцамъ. Кирѣевскій официально былъ признанъ человекомъ неблагонадежнымъ. Его даже хотѣли выслать изъ Москвы, но тутъ за него горой всталъ Жуковскій. Между Государемъ и Жуковскимъ произошла сцена, вслѣдствіе которой Жуковскій заявилъ, что коль скоро и ему не вѣрятъ, то онъ долженъ тоже удалиться; на двѣ недѣли онъ пріостановилъ занятія съ Наслѣдникомъ Престола. Любвеобильнымъ вмѣшательствамъ Императрицы Александры Ѳеодоровны были прекращены эти непріятности. Государь, встрѣтилъ Жуковскаго, обнялъ его и сказалъ: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Такъ въ послѣдствіи передавала объ этомъ замѣчательномъ инцидентѣ А. П. Елагина, для материнскаго сердца которой всѣ подробности этого героическаго заступничества Жуковскаго были дороги и памяты. Въ 1844 г. Кирѣевскій на короткое время принялъ отъ Погодина изданіе «Москвитянина», при чемъ отозва-

лись многіе прежніе сотрудники «Европейца», а Жуковский, находившійся въ это время за границей, успѣшилъ прислать Кирѣевскому все, что было имъ написано въ стихахъ и въ прозѣ. Къ концу жизни Кирѣевскій по религіозному настроенію подошелъ къ Жуковскому, но при этомъ, вмѣсто общаго религіознаго настроенія, какимъ отличались Жуковский и въ особенности Гоголь, Кирѣевскій сталъ сторонникомъ ближайшихъ православно-церковныхъ формъ и настроеній ¹⁾).

Кирѣевскій скончался въ 1856 г. Герценъ говоритъ, что результаты его дѣятельности были скромны сравнительно съ обширными планами юныхъ его годовъ. «Оба брата Кирѣевскіе», пишетъ Герценъ, «стоятъ печальными тѣнями... Преждевременно состарившееся лицо Ивана Кирѣевскаго носило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы... Жизнь его не удалась... Возлѣ него стоялъ его братъ и другъ Петръ. Грустно, какъ будто слезы еще не обсохли, вчера посѣтило несчастіе, появлялись оба брата на бесѣды... Жизнь обманула ихъ»... ²⁾.

¹⁾ Русск. Арх. 1894, II, 325—343.

²⁾ Миллюковъ въ 29 т. Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона.

В. А. Жуковскій и В. И. Даль.

Во время пребыванія В. И. Даля въ Дерптскомъ университетѣ студентомъ медицинскаго факультета, преподавателемъ русской словесности былъ Воейковъ, авторъ «Дома Сумашедшихъ», близкій знакомый Жуковскаго. При его посредствѣ Даль познакомился въ Дерптѣ съ проживавшимъ тамъ одно время Жуковскимъ. Въ Петербургѣ это знакомство перешло въ дружбу. Дружба съ Жуковскимъ сблизила Даля съ Пушкинымъ, Языковымъ, А. П. Зонтагъ, Дельвигомъ, Гоголемъ, бр. Перовскими, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ. Въ 1833 г. Даль подъ псевдонимомъ Казака Луганскаго издалъ «Русскія сказки. Первый пятокъ». Сказки эти представляютъ личный вымыселъ Даля со внесеніемъ кое-какихъ народныхъ мотивовъ и въ простонародномъ стилѣ. Булгаринъ нашелъ ихъ грязными, неприличными. Нѣкоторыя мѣста въ сказкахъ были перетолкованы въ неблагопріятномъ политическомъ смыслѣ. Автору поставлена была въ вину фигура губернатора Чихирь Пяташная Голова. Далѣе инкриминировано названіе другой сказки о Чортѣ-послушникѣ Сидорѣ Поликарповичѣ за то во 1) что чортъ здѣсь названъ именемъ православнаго христіанина и во 2) что военная и морская служба въ сказкѣ оказывается такой тяжелой, что самъ чортъ бѣжалъ отъ нея. Даль былъ арестованъ, обруганъ и посаженъ подъ арестъ. Даль и не зналъ, какъ объ этомъ провѣдалъ Жуковскій, бывший уже тогда воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича, и находившійся тогда въ Петербургѣ дерптскій профессоръ Парротъ, человекъ прекраснаго сердца, хорошо извѣстный Императору Николаю Павловичу. Жуковскій и Парротъ ходатайствовали въ пользу Даля, который къ вечеру былъ освобожденъ, и сохранилъ навсегда благодарное воспоминаніе о своихъ покровителяхъ. До отъѣзда Даля на службу въ Оренбургскій край, Жуковскій, Пушкинъ и кн. Одоевскій были самыми близкими къ нему людьми. Они поддерживали и поощряли его усердіе по собиранію матеріала для Толковаго словаря живого великорусскаго языка, капитальнаго труда, надъ которымъ Даль работалъ 47 лѣтъ. Не безъ вліянія Жуковскаго, Даль

сблизился съ бр. Перовскими, которые вскорѣ заняли высокіе административные посты и обезпечили Далю служебное положеніе. Въ 1837 г. Даль присутствовалъ при кончинѣ Пушкина, который умеръ на его рукахъ ¹⁾.

¹⁾ Мельниковъ, Воспом. о Далѣ въ «Русск. Вѣстн.» 1873, III, 295—304.

В. А. Жуковскій и А. И. Герценъ.

Въ 1833 г. А. И. Герценъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ вокругъ него сформировался литературно-политическій кружокъ, въ которомъ, кромѣ Герцена, игравшаго роль председателя, были Огаревъ (поэтъ), Савичъ (математикъ), Сатинъ и др. Въ 1834 г. члены кружка были арестованы и разосланы по разнымъ городамъ. Герценъ попалъ сначала въ Пермь, а оттуда въ 1835 г., въ Вятку, гдѣ близко сошелся съ другимъ знаменитымъ ссыльнымъ, художникомъ Витбергомъ. Въ исходѣ 1837 г., за устройство выставки мѣстныхъ произведеній и объясненія, данныя при ея осмотрѣ Наслѣднику Цесаревичу, Герценъ, по ходатайству Жуковского, былъ переведенъ на службу во Владиміръ, въ канцелярію владимірскаго губернатора Куруты, прекраснаго человѣка, позволившаго Герцену отлучиться въ Москву, гдѣ онъ похитилъ свою дальнюю родственницу и женился на ней. Во Владиміръ Герценъ провелъ самые счастливые годы своей жизни, усердно работая, много читая ¹⁾. Любопытно, что этимъ счастьемъ онъ былъ обязанъ до нѣкоторой степени Жуковскому, его авторитетному покровительству у царственнаго своего питомца.

¹⁾ *Арабажинъ*, въ Русск. Стар. 1896, т. 85, стр. 418.

В. А. Жуковскій и В. Г. Тепляковъ.

Викт. Григ. Тепляковъ (1804—1842), талантливый поэтъ и одинъ изъ первыхъ русскихъ ориенталистовъ, человѣкъ многосторонне образованный, имѣлъ косвенное отношеніе къ событію 14 декабря и попалъ подъ надзоръ полиціи. Онъ сначала служилъ на югѣ Россіи въ Херсонѣ, затѣмъ въ Афинахъ, много путешествовалъ по Египту, Сиріи и Палестинѣ, вслѣдствіе чего получилъ прозвище Мельмота Скитальца, и скончался въ молодыхъ лѣтахъ въ Парижѣ. Какъ поэтъ, Тепляковъ заслужилъ сочувственный отзывъ Пушкина, какъ ориенталистъ, обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго ученаго Клапрота. Жуковскій оказывалъ поддержку Теплякову. Такъ, онъ помогъ осуществленію желанія Теплякова о причисленіи къ русскому посольству въ Константинополь. Кромѣ стихотвореній, особой книгой вышли еще «Письма о Болгаріи» (1833 г.). Книга эта была поднесена авторомъ государынѣ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ; авторъ получилъ выраженіе благодарности и перстень въ награду, при чемъ перстень былъ препровожденъ Теплякову при письмѣ Жуковского, что указываетъ на его участіе въ этомъ дѣлѣ¹⁾.

¹⁾ Русск. Стар., 1896, т. 85, стр. 177, 674.

В. А. Жуковскій и И. И. Козловъ.

Извѣстна печальная судьба И. И. Козлова. По рожденію, воспитанію и образованію онъ принадлежалъ высшему московскому обществу. Весельчакъ, балагуръ, онъ служилъ оживленіемъ и украшеніемъ свѣтскаго общества. Въ цвѣтъ лѣтъ онъ былъ разбитъ параличемъ, пересталъ владѣть ногами и ослѣпъ. Недавній весельчакъ очутился въ безпомощномъ положеніи. Тогда яркимъ пламенемъ вспыхнулъ въ немъ дремавшій даръ поэзіи. Утѣшеніемъ для Козлова, какъ видно изъ его стихотвореній, были добрая его жена и никогда не забывавшій его другъ Жуковскій. Жуковскій сдѣлался неизмѣнной опорой слѣпому поэту и его семьи. Никто въ теченіе двадцати лѣтъ страдальческаго существованія Козлова такъ часто не являлся у его постели, какъ Жуковскій. Его веселыя и задушевные бесѣды бывали лучшимъ утѣшеніемъ несчастнаго поэта. Сохранилось нѣсколько коротенькихъ писемъ Жуковского къ Козлову.

«Душа моя, Иванычъ! пишетъ Жуковскій въ одномъ письмѣ. Я тебя не забылъ; иначе себя бы забылъ. А была причина, и глупая причина, отъ которой я у тебя не былъ; не сердись, душа моя. Завтра это тебѣ растолкую и безъ твоей просьбы явлюсь къ тебѣ на чай ввечеру, чтобы тебѣ прочитатъ Камозенса». «Посылаю тебѣ, пишетъ Жуковскій въ другомъ письмѣ, романъ Вальтеръ-Скота. Это будетъ начало твоей библіотеки романовъ!» Проживая въ началѣ 30 годовъ въ Швейцаріи и Италіи, Жуковскій писалъ Козлову длинныя, литературно весьма обработанныя письма, въ которыхъ описывалъ швейцарскую и италіанскую природу. Козловъ съ глубокой признательностью относился къ Жуковскому и посвящалъ ему лучшія свои стихотворенія. Въ особомъ пространномъ стихотворномъ посланіи къ Жуковскому онъ подробно говоритъ о своей печальной судьбѣ. Въ письмѣ Жуковского къ кн. Вяземскому 1837 г. находится такая приписка: «Навѣсти Козлова; онъ въ ужасномъ положеніи. Пальцы уже одеревенѣли, и языкъ начинаетъ нѣмѣть. Слухъ давно ослабѣлъ. А душа какъ будто живѣтъ» ¹⁾). Козловъ протянулъ

¹⁾ К. Я. Гротъ, В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г.

еще три года. Въ послѣднія минуты его жизни дружескій голосъ Жуковского утѣшалъ и напутствовалъ въ другой лучший міръ. По смерти Козлова въ 1840 г. Жуковский напечаталъ о немъ прекрасную статью въ Сѣверной Пчелѣ и устроилъ подписку на изданіе его сочиненій²⁾. Какъ извѣстно, Жуковский похороненъ рядомъ съ Козловымъ, такъ что онъ и по смерти легъ рядомъ съ несчастнымъ поэтомъ-слѣпцомъ, въ жизни котораго былъ главной опорой и утѣшеніемъ.

В. А. Жуковский и Н. Ф. Козловъ.

В. А. Жуковский (1793—1842) и Н. Ф. Козловъ (1805—1840) — два выдающихся поэта и прозаика, которые в течение своей жизни тесно сотрудничали. Жуковский был не только поэтом, но и переводчиком, а Козлов — поэтом и прозаиком. Они вместе работали над многими произведениями, в том числе над «Песней о Садко» и «Песней о Калевале». Их сотрудничество было плодом дружбы и взаимного уважения. Жуковский был старше Козлова, но они были близкими друзьями. Козлов был слепым, и Жуковский помогал ему в его творчестве. Их совместные труды являются ценными памятниками русской литературы XIX века.

²⁾ Къ сбору средствъ онъ привлекъ придворныя сферы, См. *Рус. Стар.* 1902 IV 128.

В. А. Жуковскій и Н. Ф. Павловъ.

Талантливый беллетристъ Ник. Филип. Павловъ (1805—1864 г.), повѣсти котораго вызвали одобренія А. С. Пушкина и И. С. Тургенева и въ отрывкахъ попали въ Христоматию Галахова, въ 1835 издалъ отдѣльной книгой «Три повѣсти» (Именины, Аукціонъ и Ятаганъ). Императоръ Николай Павловичъ прочиталъ книгу «съ карандашомъ въ рукѣ» и нашелъ въ «Ятаганѣ» много «неприличныхъ мѣстъ». Содержаніе этой повѣсти не понравилось военнымъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ находилъ, что эта повѣсть есть клевета на военную службу. Рѣчь въ ней идетъ о томъ, какъ полковой командиръ и прапорщикъ столкнулись въ любви къ одной дѣвицѣ, и какъ полковой командиръ притѣснялъ прапорщика за оказанное ему предпочтеніе до такой степени, что прапорщикъ его закололъ. Командира хоронятъ съ военными почестями, а разжалованнаго въ солдаты прапорщика прогоняютъ сквозь строй. Книга была запрещена; цензору сдѣланъ строгій выговоръ, и автору грозило взысканіе; но за него вступились Жуковскій и графъ Вьельгорскій. Государь не соглашался на милость и, между прочимъ, спросилъ: что этотъ сочинитель? Жуковскій отвѣтилъ, что это московскій житель, талантливый писатель Николай Павловъ. Императоръ Николай Павловичъ, разсмѣявшись сказалъ: «Увѣряю васъ, господа, что это не я». Каламбуръ развеселилъ самого Государя, и о наказаніи Павлова послѣ того не было и помина¹⁾.

Павлову не пришлось избѣжать ссылки, но много лѣтъ спустя, когда Жуковскій, больной и слѣпой, доживалъ въ Германіи послѣдніе свои дни. Въ 1851 г., при описи его имущества за долги тестю, найдена была копія съ письма Бѣлинскаго къ Гоголю и нѣкоторыя другія, по тому времени, «вольнодумныя бумаги». Павловъ былъ сосланъ въ Вятку, гдѣ пробылъ до 1855 г. Съ 1860 по 1862 г. Павловъ издавалъ «Наше время», которое въ 1863 г. было переименовано въ «Русскія Вѣдомости»²⁾.

1) Русск. Стар., 1896 г., т. 85, стр. 564.

2) Подроб. біогр. П. съ указ. библіографіи въ 44 т. Энци. Слов. Брокгауза и Ефрона.

В. А. Жуковскій и А. В. Кольцовъ.

Жуковскій помогъ Кольцову въ одномъ, весьма важномъ для него судебномъ процессѣ. 1 декабря 1839 г. Кольцовъ по этому поводу писалъ Жуковскому: «Ваше Превосходительство! Милый и любезный нашъ поэтъ Василій Андреевичъ! Дѣло, въ которомъ вы по добротѣ души вашей приняли живое участіе, наконецъ, слава Богу, получило рѣшительный конецъ; искъ свалился съ плечъ моихъ долой; большая бѣда прошла, и моя свобода и свобода отца моего еще у насъ. Какъ тяготило, мучило меня и все семейство и старика отца это проклятое дѣло. Семь лѣтъ и день и ночь исторія одна, и если бы не вы, что съ нами было бы? Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенія, душой сживаясь съ ними, по нимъ любя васъ, думалъ ли я въ ту пору, что придетъ время, увижу васъ, обласканъ буду вами, и какъ обласканъ! и что милый поэтъ Россіи приметъ меня подъ свое покровительство, что въ мутную пору матеріальныхъ обстоятельствъ приметъ меня подъ свою защиту и отведетъ отъ беззащитной головы страшную тучу, укрѣпитъ мое доброе имя, дастъ другое мнѣніе, лицо и жизнь»¹⁾.

¹⁾ Русск. Арх. 1871. 0183.

В. А. Жуковскій и супруги Смирновы.

Милая, добрая и высоко-образованная фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, Александра Осиповна Россетъ состояла въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ, Лермонтовымъ. У нея бывали литературныя собранія, на которыхъ бывалъ В. кн. Михайлъ Павловичъ, Гоголь, Вяземскій; но главными дѣятелями были ея два арзамасскихъ звѣря—Сверчокъ и Бычокъ, какъ она дружески называла Пушкина и Жуковского. Она передавала имъ разговоры и замѣчанія Императора Николая Павловича; она подготовила разрѣшеніе на постановку на сценѣ Ревизора. По выходѣ замужъ за Н. М. Смирнова, человѣка весьма образованнаго, большаго любителя искусствъ, она уѣхала въ Калугу, куда мужъ ея назначенъ былъ губернаторомъ и вскорѣ переведенъ губернаторомъ въ Петербургъ. Болѣзни заставили Смирновыхъ уѣхать за границу для лѣченія, и вотъ тутъ Александръ Осиповичъ пригодилась ея старая дружба съ Жуковскимъ. Онъ исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе Смирновымъ отправиться въ Парижъ и оставаться дольше срока въ чужихъ краяхъ, что тогда давалось немногимъ. Это было въ 1836 г. Смирновъ сердечно благодарилъ Жуковского за оказанную имъ услугу и за его «добрую дружбу», что онъ не только порадовалъ его жену, но и возвратилъ ей надежду на выздоровленіе ¹⁾.

¹⁾ Русск. Арх. 1899 I. 625.

В. А. Жуковскій и Карамзины.

Въ письмѣ Жуковского къ Наслѣднику Цесаревичу 1845 года находится указаніе, что, по его представленію, «государь успокоилъ послѣдніе дни Карамзина и тотъ заживо узналъ, что жена и дѣти его на всю жизнь обезпечены», а въ письмѣ къ Цесаревичу отъ 1840 г. находится просьба Жуковского пристроить къ Двору сына Карамзина Андрея, въ силу любезной Россіи памяти его знаменитаго отца ¹⁾.

¹⁾ Жуковскій, Сочин. VI, 412, 486.

В. А. Жуковскій какъ художникъ.

Сплошь и рядомъ любовь къ поэзіи идетъ рядомъ съ любовью къ живописи, музыкѣ и вообще съ любовью къ искусству. Извѣстно, что Пушкинъ, Лермонтовъ, А. Майковъ, Шевченко, Гоголь и мн. др. выдающіеся поэты были искусными рисовальщиками, и Жуковскій также примыкаетъ къ этой группѣ разностороннихъ художниковъ - поэтовъ. Онъ любилъ живопись, всегда покровительствовалъ художникамъ, принималъ личное участіе въ изобразительномъ искусствѣ и передалъ любовь къ нему своему сыну художнику.

Любовь къ живописи Жуковскій обнаруживалъ съ малыхъ лѣтъ. По словамъ А. П. Зонтагъ, Жуковскій 4 или 5 лѣтнимъ мальчикомъ забрался въ пустую комнату, и мѣломъ срисовалъ на полу стоявшій тамъ образъ Боголюбской Божіей Матери ¹⁾. Обученіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ отведено было значительное мѣсто искусству, знакомство съ любителями искусства и музыки, какъ Плещеевъ, въ особенности знакомства со многими русскими и иностранными художниками и знакомство съ западными картинными галереями—все это поддерживало и развивало въ Жуковскомъ любовь къ живописи.

Пробовалъ онъ силы въ рисованіи и живописи въ однихъ случаяхъ въ видѣ шутки, въ другихъ съ серьезными цѣлями. Когда Блудовъ завелъ злую комнатную собаку, Жуковскій боялся къ нему ходить. Въ письмѣ къ Блудову онъ говоритъ, что заказанное имъ платье для защиты отъ зубастаго врага еще не готово, для наглядности приложилъ рисунокъ, на которомъ изобразилъ себя рыцаремъ, въ латахъ и шлемѣ, съ забраломъ, съ огромнымъ копьемъ въ рукѣ ²⁾. Въ другомъ письмѣ онъ въ шутку также набрасываетъ въ каррикатуру свой портретъ ³⁾. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи письма Жуковского къ графинѣ Барановой. Они испещрены юмористическими рисунками. Любопытны письма о Тарасѣ Шевченко съ 5 рисунками, письмо о Ефимовичъ съ 2 рисунками 1838 г. и письмо съ двумя просьбами 1840 г. съ рисун-

¹⁾ Загаринъ, Жук. и его произвед. 3.

²⁾ Авенаріусъ, Жуковскій-Юмористъ, 53.

³⁾ Приложение къ Отчету Имп. публ. библ. за 1884. С.-Пб. 1897 г.

комъ¹⁾. Тутъ представлены цѣлыя исторіи въ лицахъ, замѣчательный примѣръ филантропической утилизациі искусства. Извѣстно, что во время путешествія по Европѣ въ 1821 г. Жуковскій рисоваль съ натуры, особенно въ Швейцаріи, виды, которые самъ послѣ выгравироваль на мѣди²⁾. Въ неизданныхъ бумагахъ Жуковского, относящихся къ его путешествію съ Царемъ Освободителемъ въ бытность его наслѣдникомъ, находится множество рисунковъ Жуковского³⁾.

Недавно А. Өоминъ напечаталъ въ Русск. Стар. интересную статью объ альбомѣ, подаренномъ Жуковскимъ вел. кн. Александру Николаевичу, а въ московской газетѣ «Новости Дня»—о собраніи любопытныхъ рисунковъ Жуковского 1837 г., времени его путешествія съ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Благодаря любезности г. Өомина, я бѣгло ознакомился въ Румянцевскомъ Музеѣ съ содержаніемъ рисунковъ Жуковского и могу сказать, что они представляютъ весьма богатый и цѣнный матеріалъ для оцѣнки Жуковского, какъ художника, и для исторіи того времени.

Рисунки Жуковского, подобно его дневникамъ, обнаруживаютъ большой интересъ Жуковского къ разнообразнымъ явленіямъ русской жизни. Г. Өоминъ по этому поводу говорить слѣдующее:

Жуковскій любилъ рисовать. Намъ извѣстно до 20 альбомовъ его собственноручныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ почти всѣ его путешествія и по Россіи, и за границей. Въ шкатулкѣ Императора Александра Николаевича хранятся два альбома; изъ которыхъ одинъ меньшаго формата заключаетъ въ себѣ 176 рисунковъ, а другой большаго формата—93 рисунка. Въ первомъ альбомѣ помѣщены виды, нарисованные во время путешествія, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, отъ Петербурга до Вознесенска и отъ Кіева до возвращенія обратно, а во второмъ—главные виды, зарисованные Жуковскимъ въ продолженіе сентября того же 1837 года, когда онъ вмѣстѣ съ однимъ изъ членовъ свиты Наслѣдника Цесаревича—К. П. Арсеньевымъ, получивъ отпускъ и опережая Наслѣдника съ его свитой, отправился прокатиться въ Крымъ. Рисунки сдѣланы карандашомъ. Только немногіе потомъ обведены чернилами. Въ рисункахъ перваго альбома замѣтна слѣдственная работа и не столь богатый подборъ, какъ въ рисункахъ втораго альбома. Это объясняется тѣмъ, что путешествіе съ Наслѣдникомъ было точно рассчитано по опредѣленному утвержденному Государемъ маршруту и съ очень большой экономіей времени, а когда отправились вдвоемъ съ Арсенье-

1) *Русск. Стар.* 1902, IV, 121—133.

2) *Зейдлицъ*, Жизнь и поэз. Жуковского 119.

3) *Литерат. Вѣстн.* 1901, VI, 205.

вымъ, то могли руководствоваться своимъ собственнымъ маршрутомъ, или личнымъ желаніемъ, и потому Жуковскій могъ отнестись съ большимъ вниманіемъ къ красотамъ юга и занести въ свой художественный дневникъ гораздо больше данныхъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи.

Рисунки Жуковского (въ иллюстрированномъ листѣ «Нов. Дня», посвященномъ Жуковскому, помѣщены изъ числа московскихъ видовъ три рисунка: два вида села Коломенскаго съ его достопримѣчательностями и одинъ видъ—Карамзинскаго «Лизина пруда» близъ Симонова монастыря въ Москвѣ), — не похожи на произведенія зауряднаго русскаго любителя живописи, набрасывающаго свои эскизы безвкусно и кое-какъ съ развязною небрежностью «настоящаго» художника; не похожи они и на произведенія записныхъ художниковъ-пейзажистовъ, которые не любятъ «обстоятельности», отличающей художественное творчество нашего поэта не только въ произведеніяхъ слова, но и въ произведеніяхъ карандаша.

Его рисунки, хотя они и представляютъ изъ себя нечто иное, какъ эскизы, большею частью являются вполне законченными, по своему содержанию и по характеру избранной темы, картинами.

Эти картины захватываютъ иногда очень широкій горизонтъ, иногда очень небольшой, но иногда достаточно законченный въ своихъ собственныхъ рамкахъ для того, чтобы зритель могъ вынести вполне ясное и опредѣленное представленіе и о замыслѣ художника, и о самомъ содержаніи картины.

Кромѣ того, не говоря объ удивительномъ искусствѣ пониманія перспективы и плановъ, какія бы сложныя и трудныя комбинаціи они не представляли, нужно отмѣтить въ его рисункѣ интересную способность пользованія предметами, находящимися вблизи рисующаго художника (перилами, деревьями, колоннами и т. д.), которые и разнообразятъ, и оживляютъ картину.

И, наконецъ, нельзя отрицать въ немъ и той силы чисто-художественнаго творчества, которой обладаютъ истинные таланты и которая заставляютъ насъ любоваться даже такими, какъ у Жуковского набросанными въ пути эскизами карандашомъ, въ которыхъ живо чувствуется и воздухъ, и разстояніе, и жаръ, и вѣтеръ, и разныя «настроенія», которыхъ не въ силахъ дать никакая фотографія, хотя бы она и воспроизводила свой сюжетъ со всѣми его подробностями и съ педантическою вѣрностью дѣйствительности» ¹⁾.

¹⁾ А. Гомиль, «Новости Дня» 1902.

Изъ дневника А. М. Тургенева видно, что Жуковскій пользовался для рисованія всякимъ удобнымъ моментомъ. «Чистая душа Андреевичъ» — такъ звалъ Тургеневъ Жуковского — помѣщался или въ «тѣни столѣтняго дуба» или «на бугрѣ подь сосною» ¹⁾.

Во время многочисленныхъ поѣздокъ за границу и продолжительнаго пребыванія въ Германіи и Италіи Жуковскій изучалъ памятники искусства, собиралъ коллекціи, самъ работалъ, гравировалъ, рисовалъ.

Въ письмѣ къ А. П. Зонтагъ 1823 г., написанномъ по возвращеніи изъ заграницы, Жуковскій говоритъ: «Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ; я нарисовалъ *au trait* около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ также *au trait*. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искусствѣ, посылаю мои гравюры павловскихъ видовъ; также будутъ сдѣланы и швейцарскіе; только при нихъ будетъ описаніе ²⁾».

Въ 1824 въ Петербургъ вышелъ альбомъ изъ 6 видовъ Павловска, срисованныхъ съ натуры Жуковскимъ, имъ же и Кларою награвированныхъ въ Дерптѣ.

Милыми гравюрками Жуковского украшена рѣдкая брошюрка Шторха «Путеводитель по саду и городу Павловску» С.-Пб. 1843.

Жуковскому принадлежитъ еще 8 видовъ Царскаго Села и 23 вида Павловска. Эти гравюры были выставлены въ 1883 г. въ Академіи Наукъ во время празднованія столѣтія со дня рожденія Жуковского ³⁾. Во время поѣздокъ за границу Жуковскій собиралъ коллекціи, которыя привозилъ затѣмъ въ Россію. Интересно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто въ автобіографическомъ «Дневникѣ» Т. Г. Шевченка: «Въ 1839 г. Жуковскій, возвратившись изъ Германіи съ огромной портфелью, начиненною произведеніями Корнеліуса, Гессе и другихъ свѣтилъ мюнхенской школы живописи, нашелъ произведенія Брюлова слишкомъ матеріальными, придавляющими къ грѣшной землѣ божественное высшее искусство и, обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ Шевченко, и покойному Штейнбергу, учившемуся въ мастерской Брюлова, предложилъ зайти къ нему полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ и на другой же день явились въ кабинетъ германофила. Но, Боже! что мы увидѣли въ этомъ огромномъ, развернувшемся передъ нами портфелѣ: длинныхъ, безжизненныхъ Мадоннъ, окруженныхъ готическими, тощими херувимами и прочихъ настоящихъ мучениковъ живого улыбающагося искусства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ ни представителей XIX в..... Разсматривая эту коллек-

¹⁾ К. Я. Гротъ, В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г., 8, 19.

²⁾ Плетисевъ, О жизни и соч. Жуковского и въ *Русск. Стар.* 1883 II 485, 488.

³⁾ *Русск. Стар.* 1883, XXXVII, 489.

цію идеальнаго безобразія (?!), мы высказывали въ слухъ свое мнѣніе и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василя Андреевича до того, что онъ назвалъ насъ испорченными учениками Карла Павловича (Брюлова) и хотѣлъ закрыть портфель передъ нашими носами» ¹⁾..... Эти строки чрезвычайно ярко обрисовываютъ художественные вкусы Жуковскаго. Хотя, по словамъ Шевченка, Жуковскій и называлъ Брюлова Карломъ Великимъ ²⁾, но считалъ его не достаточно духовнымъ и склонялся на сторону великихъ старыхъ мастеровъ и ихъ новыхъ германскихъ подражателей.

Любопытно одновременное свидѣтельство Гоголя, что Жуковскій во время совмѣстнаго пребыванія съ нимъ въ Римѣ въ 1839 г. рисовалъ налету лучшіе виды вѣчнаго города. Гоголь удивлялся проворству и искусству Жуковскаго: «Онъ въ одну минуту рисуешь ихъ по десяткамъ и чрезвычайно вѣрно и хорошо» ³⁾.

Для обрисовки Жуковскаго, какъ художника, не лишены значенія письма къ нему Н. М. Смирнова, калужскаго, потомъ петербургскаго губернатора, мужа извѣстной пріятельницы Пушкина, Жуковскаго и Гоголя, Александры Осиповны, урожд. Россетъ. Смирновъ отлично зналъ Италію, любилъ искусство и составилъ картинную галерею. Въ письмѣ 2 мая 1836 г. Смирновъ развиваетъ впервые мысль объ устройствѣ въ Россіи передвижныхъ художественныхъ выставокъ. «Почему, ставить онъ вопросы, наша Академія не пригласитъ иностранцевъ присылать свои картины на выставку? Почему наше Общество поощренія художествъ не установитъ свои выставки въ разныхъ городахъ»? Съ такими вопросами Смирновъ обращался къ Жуковскому, «какъ любителю картинъ». Онъ послалъ Жуковскому въ даръ двѣ гравюры германскихъ художниковъ, въ письмѣ 22 ноября 1836 г. съ большою похвалою отзывался о скульпторѣ Лауницѣ, которому позднѣе въ 1843 г. покровительствовалъ Жуковскій ⁴⁾.

Для характеристики Жуковскаго, какъ любителя искусства, значительный интересъ представляетъ недавно изданная переписка его съ старымъ пріятелемъ—арзамасскимъ Котомъ Д. П. Северинымъ, русскимъ посланникомъ при Швейцарскомъ союзѣ и позднѣе при Баварскомъ дворѣ. «Ты что дѣлаешь, Коть? Если ничего не дѣлаешь, то сдѣлай вотъ что:—писалъ ему Жуковскій въ Мюнхенъ въ 1839 г.:—надобно тебѣ знать, что я сдѣлался собирателемъ рисунковъ, и у меня теперь есть образчики почти всѣхъ лучшихъ живописцевъ Германіи и Италіи, но недостаетъ

¹⁾ *Основа* 1861, авг. 5.

²⁾ Тоже, 6.

³⁾ *Загаринъ*, 478.

⁴⁾ *Русск. Арх.*, 1899, 622—627.

нѣкоторыхъ столбовыхъ, именно Генриха Гессе, Петра Гессе, Корнеліуса, къ коимъ желалъ бы прибавить Байера и еще кто найдется изъ значительныхъ мюнхенскихъ живописцевъ (это оставлю на твой произволь, и ты очень, очень обяжешь меня, если обогатишь меня рисунками сихъ матадоровъ искусства.... На Корнеліуса нападай со стороны совѣсти; онъ далъ мнѣ слово»... Въ письмѣ 1840 г. Жуковскій даетъ Северину совѣты, какъ укладывать рисунки, какимъ порядкомъ переслать ихъ ¹⁾).

Въ письмѣ Жуковского къ Северину 1845 г. находится интересное указаніе на то участіе, какое Жуковскій принималъ въ дѣлѣ приобрѣтенія въ Нюрнбергѣ и пересылки въ Россію готическаго алтаря съ живописными копіями апостоловъ А. Дюрера. Алтарь былъ купленъ Императрицей. Рѣзное изображеніе Мадонны было винуто и отдано Жуковскому, который въ письмѣ къ Северину говоритъ о состоявшемся съ художникомъ Ротермундомъ соглашеніи о замѣнѣ деревяннаго изображенія Мадонны живописной копіей съ А. Дюрера ²⁾).

На торжественномъ актѣ И. Академіи наукъ въ 1882 г., по случаю столѣтія со дня рожденія Жуковского, отъ имени петербургскаго Общества художниковъ прочитанъ былъ слѣдующій адресъ, выражающій заслуги Жуковского въ области искусства: «Празднованіе столѣтняго юбилея дня рожденія поэта В. А. Жуковского, имя котораго внесено въ славный списокъ лицъ, составляющихъ честь, гордость и славу Россіи, не могло остаться безъ отзыва со стороны русскихъ художниковъ по слѣдующимъ тремъ причинамъ: 1) Жуковскій съ ранняго возраста обнаружилъ свой талантъ способностью къ рисованію, которая не покидала его и послѣ; напротивъ, живя въ 1815 г. въ Дерптѣ, онъ занимался въ мастерской профессора живописи Зенфа искусствомъ гравированія на мѣди, а впослѣдствіи иллюстрировалъ свои стихотворенія; такъ, въ собраніи своихъ сочиненій 1849 г. передъ «Пѣснью въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскій представилъ въ маленькой виньеткѣ своего Пѣвца, т. е. самого себя, безъ бороды, въ казачьей курткѣ, съ лирой, стоящимъ передъ бородачами товарищами, расположившимися на землѣ около сторожеваго огня. 2) Сочувствуя художникамъ, Жуковскій, сдѣлавшись въ 1808 г. достойнымъ руководителемъ журнала «Вѣстникъ Европы», первый сталъ украшать свое изданіе статьями по исторіи изящныхъ искусствъ съ приложеніемъ гравюръ знаменитыхъ произведеній живописцевъ. Кромѣ того, Жуковскій былъ искреннимъ другомъ русскихъ художниковъ и въ минуты неудачъ и тяжкихъ невзгодъ послѣднихъ являлся безъ всякаго зова къ нимъ на помощь; достаточно вспомнить его участіе къ Витбергу и къ

¹⁾ *Русск. Стар.* 1902, IV, 154, 155.

²⁾ *Ibid.* 162.

нашему извѣстному маринисту Айвазовскому. 3) Наконецъ, будучи наставникомъ Наслѣдника престола, въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, онъ старался руководить (?) въ немъ любовь къ изящнымъ искусствамъ, и, по всей вѣроятности, благодаря Жуковскому, въ альбомѣ, изданномъ Ваттемаромъ въ 1837 г., явились два рисунка черкесовъ, нарисованныхъ 15-ти лѣтнимъ Цесаревичемъ. Затѣмъ, по инициативѣ наставника будущаго Царя-Освободителя, предоставлена была свобода поэту художнику Тарасу Шевченку». Въ концѣ адреса замѣчено, что «русскіе художники, среди которыхъ есть лично знавшіе Жуковского, сочли долгомъ принести подобающую дань своего сочувствія къ памяти поэта» ¹⁾).

Обращаясь къ болѣе подробному обзору отношеній Жуковского къ художникамъ, нельзя не отмѣтить большого разнообразія художественныхъ интересовъ Жуковского, большого такта въ сношеніяхъ съ художниками и постоянного стремленія всѣми мѣрами, нравственно и матеріально, поддержать художниковъ, безъ различія національности. Главное вниманіе, главное сочувствіе и главные заслуги Жуковского связаны съ главными современными ему русскими художниками.

¹⁾ Сборн. Имп. Акад. Н. 1883, т. 32, стр. 23.

В. А. Жуковскій и К. П. Брюлловъ.

Знаменитѣйшій живописецъ первый половины прошлаго столѣтія Карлъ Павловичъ Брюлловъ (1799—1852 г.), по судьбѣ, представляетъ сходство съ своими знаменитыми современниками Гоголемъ и Ивановымъ. Всѣ они къ концу своей недолгой жизни ослабѣли, всѣ искали утѣшенія въ художественномъ Римѣ. Слава Брюллова основывается на картинѣ его «Послѣдній день Помпей», которая была имъ создана въ два года (окончена въ 1833 г.), выставлена въ Римѣ, Парижѣ и въ Петербургѣ. Италіанцы и русскіе сошлись въ восторженныхъ похвалахъ. Французы отнеслись сдержанно и отчасти даже съ порицаніемъ. Одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ біографовъ Брюллова ¹⁾ говоритъ: «Не было другого художника, имя котораго такъ прогремѣло бы при жизни, но не было и другого, столь страстно осуждаемаго, почти ненавидимаго, спустя всего десятилѣтіе послѣ его смерти» ²⁾. Истина, разумѣется, находится въ золотой серединѣ между этими двумя крайностями. Брюловъ не былъ гениемъ, но былъ человѣкъ очень талантливый, сослужившій русскому искусству большую службу. «Помпея» подняла въ обществѣ интересъ къ искусству; заграницей чуть-ли не впервые выдвинуто было русское имя, благодаря «Помпеѣ» Брюллова.

Брюлловъ былъ осыпанъ милостями и наградами. Въ Россіи и въ Италіи онъ пользовался огромной популярностью. Когда онъ въ 1836 г. вернулся въ Петербургъ, ему данъ былъ отъ имени Академіи художествъ торжественный обѣдъ, на которомъ, между прочимъ, присутствовалъ Жуковскій. Говорились рѣчи, читались стихи, пѣлись куплеты ³⁾.

Привыкнувъ къ италіанской природѣ и общей италіанской художественной обстановкѣ, Брюлловъ скучалъ въ Петербургѣ. «Въ Италіи я начну работать какъ должно», говорилъ онъ своимъ друзьямъ; но вторая поѣздка въ Италію въ 1849 совпала уже съ тяжелой болѣзнью и упадкомъ силъ.

¹⁾ Половцовъ, Прогулка по музею имп. Александра III 48.

²⁾ Повидимому, здѣсь подразумѣвается очень бойкая, но пристрастная оцѣнка В. В. Стасова, съ наибольшей яркостью изложенная въ Собр. соч. II.

³⁾ Половцовъ, 67.

Жуковский прекрасно понималъ художественныя стремленія Брюллова и желалъ полного для него простора. Въ 1838 г. въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы такимъ крупнымъ художникомъ, какъ Брюлловъ, Бруни и Уткинъ, предоставлена была полная свобода въ выборѣ мѣста и времени для работы. «Художнику, говоритъ Жуковский, нужна полная свобода творить что, какъ, гдѣ и когда хочетъ. Покровителямъ художниковъ и друзьямъ искусства надобно только давать способъ воспользоваться этою свободою. Попутно Жуковский высказалъ пожеланіе, чтобы Зимній Дворецъ сдѣлался для Россіи Ватиканомъ искусства и чтобы Брюлловъ сдѣлалъ для имп. Николая I столько, сколько Рафаэль и Микель Анджело для папъ Юлія II и Льва X; но при этомъ Жуковский признаетъ, что въ Петербургѣ нѣтъ и десятой доли тѣхъ пособій, какія на каждомъ шагѣ встрѣчаются въ Италіи ¹).

Въ особенности Жуковский распространяется въ пользу заграничнаго пребыванія Брюллова. «Большое будетъ горе для моего русскаго сердца, если этотъ геній погаснетъ, не оставивъ ничего такого, чтобы прославило его отечество»... «Я боюсь за его будущее, онъ въ Петербургѣ зачахнетъ; ему тамъ душно; ему необходима Италія». Любовь къ искусству и къ славѣ отечества у Жуковского въ данномъ случаѣ идутъ рядомъ съ филантропіей, этимъ основнымъ стимуломъ душевнаго настроенія Жуковского.

Большой почитатель Брюллова, Жуковский, однако, не былъ слѣпымъ его поклонникомъ. Изъ письма Струговщикова къ г. Стасову, изданнаго въ Русск. Стар. 1880 I подъ заглавіемъ «Отзывъ Жуковского о Брюлловѣ», видно, что Жуковский, признавая въ произведеніяхъ Брюллова большое «италіанское мастерство», находилъ въ нихъ недостатокъ идеальности. Относительно самой «Помпей» Жуковский находилъ, что въ ней нѣтъ «историческаго, стоящаго особеннаго вниманія момента, что, въ дѣйствительности, въ ней дѣйствуетъ природа, которой трагикомедіи необъяснимы». Конферецъ-секретарь академіи В. И. Григоровичъ, которому Жуковский высказалъ такіа спектическія сужденія, указывалъ на обиліе въ Помпей отдѣльныхъ превосходно исполненныхъ группъ и фигуръ. Жуковский соглашался, но не видѣлъ въ этомъ жанръ исторической картины. Если вполнѣ довѣрять показаніямъ Струговщикова, записаннымъ имъ по памяти много лѣтъ спустя послѣ бесѣды Жуковского съ Григоровичемъ, Жуковский будто бы думалъ, что «Брюллову не дать ничего, подобнаго цвѣту канувшихъ въ вѣчность XV и XVI вѣковъ» ²).

¹) Жуковский, Сочин. VI, 609, 608.

²) Стасовъ, Собр. соч. II, 859.

В. А. Жуковскій и Н. И. Уткинъ.

Въ Русской Стар. 1883 г. т. XXXVII въ маленькой замѣткѣ «В. А. Жуковскій, какъ граверъ на мѣди» приведено 8 маленькихъ записокъ Жуковского къ граверу Уткину 1820—1836 годовъ. Записки очень краткія, дѣловыя: онѣ свидѣлствуютъ о томъ живомъ интересѣ, съ какимъ Жуковскій относился къ гравированію на мѣди и какъ велико было его личное участіе въ этомъ трудномъ родѣ искусства. Въ одной записочкѣ выразилось филантропическое отношеніе къ бѣдному ученику академіи художествъ (Проташинскому), котораго, оказывается, Жуковскій одѣлвалъ на свой счетъ ¹⁾.

Ник. Ив. Уткинъ (1780—1863), талантливый граверъ, былъ преподавателемъ въ академіи художествъ. Наиболѣе замѣчательны гравированные имъ портреты. Изъ писемъ Жуковского можно вывести заключеніе, что Уткинъ, какъ опытный граверъ, оказывалъ ему большое содѣйствіе. И Жуковскій относился къ нему съ большимъ расположеніемъ. Въ письмѣ къ в. кн. Маріи Николаевнѣ онъ упоминаетъ Уткина, какъ большого художника; его имя поставлено послѣ Брюллова и Бруни ²⁾.

¹⁾ Русск. Стар. 1888 II 485.

²⁾ Жуковскій, Сочин. VI 609.

В. А. Жуковскій и В. И. Иорданъ.

Федоръ Ивановичъ Иорданъ (1800—1883), одинъ изъ лучшихъ русскихъ граверовъ, ученикъ Н. И. Уткина, получилъ образованіе въ Россіи въ академіи художествъ и за границей, былъ профессоромъ въ академіи. Съ Жуковскимъ Иорданъ познакомился еще въ Петербургѣ, до отъѣзда за границу, т. е. до 1829, когда онъ былъ отправленъ въ чужіе края. Сначала онъ учился въ Парижѣ, затѣмъ въ Лондонѣ и, наконецъ, въ Римѣ, гдѣ ему снова пришлось встрѣтиться съ Жуковскимъ и воспользоваться его добротой. Иорданъ въ Римѣ въ 1834 году занялся изготовленіемъ рисунка съ знаменитой картины Рафаэля «Преображеніе», которую, по совѣту К. П. Брюллова, задумалъ воспроизвести въ гравюрѣ огромнаго размѣра. Этому предпріятію Иорданъ посвятилъ 12 лѣтъ непрерывнаго настойчиваго труда. Лишь только появились первые оттиски Иордановской гравюры, римскіе знатоки искусства единогласно признали, что русскій мастеръ превзошелъ въ ней своихъ предшественниковъ по истолкованію красотъ творенія Рафаэля, выказалъ добросовѣстное изученіе оригинала, превосходный рисунокъ и ученый, классическій пріемъ рѣзца. Берлинская, флорентинская и урбинская академіи признали Иордана за эту работу своимъ членомъ, а Имп. академія художествъ, по возвращеніи его въ Россію въ 1850 г., присудила ему титулъ профессора¹⁾.

Гравюра эта была самымъ крупнымъ дѣломъ Иордана, и, любопытно, что Жуковскій немало помогъ его осуществленію. Вотъ что по этому поводу говоритъ самъ Иорданъ въ своихъ «Запискахъ» подъ 1839 г.: «Въ числѣ наставниковъ Александра Николаевича былъ и нашъ безсмертный поэтъ В. А. Жуковскій, человекъ добрѣйшаго сердца, котораго я зналъ еще въ Петербургѣ и травилъ крѣпкою водкою его контуры гравюръ на мѣди швейцарскихъ видовъ. Говорилъ съ нимъ о начатомъ мною большомъ трудѣ, гравюрѣ «Преображеніе», спрашивая его совѣта, какъ бы пріискать мнѣ средства къ продолженію этого труда. Было рѣшено сдѣлать подписку на пріобрѣтеніе оконченныхъ оттисковъ. Жуковскій пригласилъ меня къ себѣ и объяснилъ мнѣ свою мысль, которой

¹⁾ А. С-овъ, въ Энцикл. Словарѣ Брокг. и Ефр., т. 26, 754.

я обрадовался; я получилъ на 5000 скудъ подписчиковъ, которые, при окончаніи мною доски въ 1850 г., получили оттиски въ полной исправности ¹⁾).

Замѣчательно, что въ Римѣ почти въ одно время работали Гоголь надъ «Мертвыми Душами», Ивановъ надъ картиной «Явленіе Христа народу», Иорданъ надъ гравюрой «Преображенія» и Брюлловъ надъ «Помпеей», и почти всѣмъ имъ Жуковскій, такъ или иначе, помогъ. Одинъ Брюлловъ, кажется, не нуждался въ поддержкѣ Жуковского и обошелся безъ нея, а для остальныхъ трехъ русскихъ художниковъ Жуковскій оказался важной нравственной и матеріальной опорой.

¹⁾ Русск. Стар. 1891, т. 71, стр. 241.

В. А. Жуковскій и А. А. Ивановъ.

Въ 1838 г. въ Римъ пріѣхалъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи Жуковскаго. Въ это время здѣсь работало уже много русскихъ художниковъ, пансіонеровъ академіи художествъ, въ томъ числѣ знаменитый А. А. Ивановъ, приступившій уже къ исполненію главнаго своего труда—«Явленіе Христа народу». Двадцать лѣтъ (1836—1857 г.) работалъ Ивановъ надъ этой картиной. Еще до выставки ея въ Россіи, о ней шли слухи, о ней писали Гоголь, Жуковскій, Погодинъ, Чижовъ, Герценъ, Тургеневъ ¹⁾. По словамъ И. С. Тургенева, очень мѣткимъ (хотя и оспариваемымъ г. Стасовымъ), «въ талантѣ Иванова все есть и трудолюбіе изумительное, и честное стремленіе къ идеалу, словомъ все кромѣ того, что только одно и нужно—творческой мощи, свободнаго вдохновенія» ²⁾...

Цесаревичъ посѣтилъ студию Иванова и поручилъ Жуковскому пріобрѣсти у русскихъ художниковъ нѣсколько картинъ. Жуковскій передалъ исполненіе Бруни, затѣмъ Габерцетелю, наконецъ, Иванову. Порученіе было хлопотливое; приходилось считаться съ личными страстями и пристрастіями. «Я бѣгалъ, какъ угорѣлый, говоритъ Ивановъ въ одномъ письмѣ, къ каждому изъ 30 человѣкъ, чтобы согласить на заказъ или покупку и назначить цѣну, не спалъ двѣ ночи, писалъ и переписывалъ бумаги, снося жестокія слова нѣкоторыхъ товарищей.... Любезные соотечественники вломились въ кабинетъ къ Жуковскому и откричали ему свои недовольства, заключивъ всѣ свои доказательства междоусобною ссорой въ его глазахъ».... Заказы были утверждены. Ивановъ подарилъ Жуковскому въ альбомъ три своихъ рисунка—Иисусъ въ виноградникѣ, первый эскизъ «Явленія» и женихъ, покупающій своей невѣстѣ кольцо, и ввѣрилъ себя заботамъ Жуковскаго въ обществѣ поощренія художниковъ ³⁾.

Жуковскій сталъ хлопотать въ пользу Иванова и за границей, и въ Россіи. Въ 1842 г. онъ писалъ изъ Дюссельдорфа къ Наслѣднику

¹⁾ «Опытъ полной біографіи» Иванова составленъ Новицкимъ въ 1895 г., блестящая категорическая статья Стасова въ Вѣст. Евр. 1880 I и Собр. Соч. II. Переписка Иванова въ изд. Боткина.

²⁾ Стасовъ, Собр. соч. II 113.

³⁾ Новицкій, Опытъ біографіи Иванова, 100.

Цесаревичу: «У меня давно лежитъ письмо, полученное мною на имя вашего Высочества изъ Рима отъ живописца Иванова, которому вы поручили написать для васъ большую картину, изображающую Спасителя, являющагося Іоанну Крестителю. Узнаете сами изъ письма его, чего онъ желаетъ. Отъ себя прошу васъ его не оставить, онъ замѣчательный художникъ, чрезвычайно прилеженъ и совершенно достоинъ покровительства. Начавъ ему благотворительствовать, довершите это благое дѣло и не дайте пасть этому таланту, который можетъ сдѣлать честь отечеству» ¹⁾. По ходатайству Жуковского, изъ суммъ наслѣдника цесаревича дано было Иванову содержаніе на три года по 3000 руб.

Изъ письма Чицова, жившаго въ 1842 г. въ Дюссельдорфѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, видно, что Жуковскій считая болѣе свойственнымъ таланту Иванова жанръ, не одобрялъ слишкомъ большихъ размѣровъ картины. Г. Стасовъ обвиняетъ тутъ Жуковского въ «маломъ пониманіи» ²⁾. Но въ дѣйствительности Жуковскій былъ правъ. Какъ добрый человекъ, онъ видѣлъ, что Ивановъ беретъ темы не подъ силу и мучить себя безъ пользы для русскаго искусства. Правда, Ивановъ обидѣлся. «Какъ не стыдно такъ говорить Василю Андреевичу, писалъ онъ Чицову. При его умѣ и образованіи я думалъ, онъ войдетъ гораздо глубже въ мое положеніе, и тогда бы онъ увидѣлъ, что я только несчастливъ»..... И Жуковскій это видѣлъ, не умомъ, а сердцемъ, и, повидимому, какъ Ивановъ, такъ и Стасовъ не замѣтили гуманитарной точки зрѣнія Жуковского. «Не долженъ ли я пожертвовать совершенно всѣмъ, говорить Ивановъ въ томъ же письмѣ къ Чицову, для такого предпріятія, которое поставило бы меня современемъ на художественную кафедру, съ которой я могъ бы умалить злоупотребленія (художественныя въ Россіи). «Много же зналъ и понималъ Иванова Жуковскій, говорить по этому поводу г. Стасовъ, когда ему надо было все это истолковывать, послѣ столькихъ лѣтъ интимности, все это, составлявшее краеугольный камень въ символѣ вѣры Иванова» ³⁾. Но интимности между Жуковскимъ и Ивановымъ не было; встрѣча и знакомство ихъ были случайны и кратковременны. Затѣмъ, въ письмѣ Иванова сквозитъ почти такой же пророкъ художникъ, какимъ вскорѣ выступилъ Гоголь въ «Перепискѣ съ друзьями». Это преувеличенная провиденціальная точка зрѣнія была чужда Жуковскому. Человекъ несомнѣнно большого художественнаго образованія, Жуковскій могъ сомнѣваться въ томъ, стоило ли «предпріятіе» Иванова приносимыхъ для него жертвъ и несчастій.

¹⁾ Жуковскій, Сочиненія, VI, 428.

²⁾ Стасовъ, Соб. соч. II 97.

³⁾ Стасовъ, II 97.

В. А. Жуковскій и К. И. Айвазовскій.

Талантъ Айвазовскаго былъ рано замѣченъ. Въ 1833 г. 16 лѣтнимъ юношей онъ попалъ пансіонеромъ въ академію художествъ. Айвазовскій воспользовался поддержкой Жуковскаго въ 1835 г. по слѣдующему поводу: Юноша Айвазовскій въ академіи былъ отданъ въ обученіе поверхностному и высокомѣрному заѣзжему французу Таннеру. Таннеръ поручалъ молодому художнику приготовленіе красокъ, копированіе видовъ Петербурга и т. п. мелкія ученическія работы. Айвазовскій, по совѣту А. Н. Оленина, написалъ морской видъ и, безъ вѣдома Таннера, представилъ въ академію художествъ, которая наградила его серебряной медалью и выставила картину въ академическомъ залѣ. Публика съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслась къ молодому художнику. Възбѣшенный Таннеръ отправился во дворецъ и доложилъ Императору Николаю Павловичу о своеволіи своего ученика, осмѣливагося отдать свою картину на выставку безъ вѣдома учителя. По Высочайшему повелѣнію, картина была немедленно снята. Это печальное событіе дало пищу сплетникамъ и клеветникамъ, а невзгода, постигшая Айвазовскаго, при раболѣпномъ настроеніи общества, повела къ тому, что о немъ враждебно могли отзываться многіе изъ тѣхъ, которые наканунѣ восхищались его картиной. Айвазовскій былъ въ горѣ. Тутъ прежде всего къ нему съ утѣшеніемъ и нравственной поддержкой явился Жуковскій, потомъ Крыловъ и проф. Зауервейдъ. Жуковскій встрѣчалъ ранѣе Айвазовскаго у Оленина. Онъ убѣждалъ Айвазовскаго не унывать, не падать духомъ и по прежнему заниматься живописью ¹⁾.

¹⁾ Русск. Стар. 1878, апр. 664.

В. А. Жуковский и Г. Р. Рейтернъ.

Гергардъ Романовичъ Рейтернъ (1794 † 1865),—художникъ-самоучка, другъ и родственникъ Жуковского. Нѣмецъ по происхожденію, русскій по симпатіямъ, Рейтернъ родился въ Лифляндіи, учился въ Дерптскомъ университетѣ, служилъ въ русской арміи. Въ Лейпцигской битвѣ 1813 г. онъ потерялъ правую руку. Онъ выучился писать и рисовать лѣвой рукой и посвятилъ себя изученію искусства. Въ 1820 безрукій красавецъ художникъ женился на Шарлотѣ Шмерцель и въ 1821 г. имѣлъ дочь Елизавету, впослѣдствіи вышедшую замужъ за его друга Жуковского. Съ Жуковскимъ Рейтернъ познакомился впервые въ 1826 г. въ Эмсѣ, и съ тѣхъ поръ между ними завязалась тѣсная дружба. Жуковский хлопоталъ Рейтерну пенсію отъ императрицы и ревностно распространялъ его картины и рисунки среди своихъ знакомыхъ и при Дворѣ. Онъ поддерживалъ съ художникомъ оживленную переписку, весьма цѣнную по выясненію взглядовъ Жуковского на задачи и цѣли искусства¹⁾. «Не надо подражать ни Рафаэлю, ни Ванъ-Діку, ни Мурильо; надо изучать природу... По моему всякая вычурность есть недостатокъ», такъ писалъ Жуковский, и Рейтернъ вполне оправдывалъ его пожеланія, по любви къ искусству, по реальному характеру дѣятельности. «У насъ съ тобой одна страсть—искусство, и одна любовь—Россія!» писалъ Рейтернъ Жуковскому. Въ 1832 и 1833 годахъ друзья вмѣстѣ путешествовали по Франціи и Италіи. Въ 1835 г. Рейтернъ поселился въ Дюсельдорфѣ, знаменитомъ тогда средоточіи живописцевъ, и посылалъ отсюда свои картины въ Петербургъ. Въ 1837 г., по представленію Жуковского, Рейтернъ назначенъ былъ «живописцемъ Императорской фамиліи», съ крупной прибавкой къ его пенсіи 8 т. р. асс. и съ правомъ воспитывать дѣтей за границей. «Я высоко цѣню счастье, писалъ Рейтернъ Жуковскому, потрудиться для моего Государя лѣвою рукою послѣ того, какъ правая сдѣлала свое дѣло», и съ тѣхъ поръ до конца жизни онъ никогда не принималъ частныхъ заказовъ и всѣ свои картины от-

¹⁾ Біографія Рейтерна съ приложеніемъ портрета его и писемъ Жуковского въ Русск. Арх. 1894 III 567—578.

сылалъ въ Петербургъ, гдѣ нынѣ украшены ими дворцы, Эрмитажъ, Музей Императора Александра III. Въ Москвѣ въ Третьяковской галереѣ находится прекрасный портретъ Жуковского кисти Рейтерна, пожертвованный сыномъ поэта Павл. Вас. Жуковскимъ. Въ 1841 г. старая дружба была закрѣплена бракомъ Жуковского на дочери Рейтерна. Молодая дѣвушка пошла за старика поэта и сохранила къ нему любовь въ теченіе всей своей недолгой жизни; она скончалась вскорѣ послѣ мужа, въ 1856 г. Послѣднія 11 лѣтъ жизни Жуковского были освѣщены кроткимъ сіяніемъ ея любви. Жуковскій съ 1841 г. проживалъ за границей, большей частью вмѣстѣ съ Рейтерномъ, причемъ въ первые годы былъ очень доволенъ своею жизнью, пока не послѣдовало перваго разстройства его жены ¹⁾.

Жуковскій, указывая на болѣзненное состояніе Рейтерна, просилъ оставить его за границей, причисливъ къ франкфуртской миссіи безъ жалованья и возложивъ на него званіе корреспондента Академіи художествъ. Жуковскій цѣнилъ въ Рейтернѣ «высокій и чистый характеръ». Онъ пересылалъ его картины въ Петербургъ, покровительствовалъ его сыну, своему шурина. Въ отзывахъ своихъ о Рейтернѣ Жуковскій считаетъ его однимъ изъ первоклассныхъ живописцевъ своего времени ²⁾. Въ 1849 г. онъ отправилъ въ Петербургъ его картину «Жертвоприношеніе Авраама», которая была на выставкѣ во Франкфуртѣ и обратила на себя вниманіе. Жуковскій препроводилъ къ Наслѣднику Цесаревичу похвальный отзывъ объ этой картинѣ историка живописи Вагнера въ «Preussische Staats—Anzeiger». Знатоки живописи считаютъ эту картину лучшимъ произведеніемъ Рейтерна ³⁾. Она нынѣ находится въ Музеѣ Императора Александра III въ Петербургѣ.

¹⁾ Зейдлицъ, 141, 175, 180—186.

²⁾ Жуковскій, Сочин. VI, 490, 511—514, 596—598.

³⁾ А. С—въ, въ Энцикл. Слов. Брокгауза, т. 52, 510.

В. А. Жуковскій и А. Л. Витбергъ.

Несчастная судьба талантливаго художника А. Л. Витберга, автора первоначальнаго грандіознаго проекта Храма Спасителя, не прошла для Жуковскаго незамѣченной. Извѣстно, что Храмъ Спасителя сначала былъ заложенъ по проекту Витберга, но вскорѣ постройка была, по разнымъ причинамъ, прекращена, и Витбергъ сосланъ въ Вятку, гдѣ онъ сблизился съ другимъ знаменитымъ ссылкой Герценомъ. Въ «Былое и Думы» Герцена Витбергу отведено нѣсколько прочувствованныхъ теплыхъ страницъ. Жуковскій познакомился съ Витбергомъ еще до ссылки и оказывалъ ему поддержку. И по ссылкѣ онъ высказывался въ его пользу и, между прочимъ, совѣтовалъ спросить у него мнѣнія относительно новаго проекта Храма Спасителя архитектора Тона ¹⁾.

¹⁾ *Русск. Стар.* 1876, XVII, 282.

В. А. Жуковскій и Фридрихъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ художниковъ современниковъ Жуковскій болѣе всего сочувствовалъ живописцу Фридриху, съ которымъ онъ познакомился въ 1821 г. въ Дрезденѣ. Между Жуковскимъ и Фридрихомъ было внутреннее духовное родство. Ихъ объединяли общія романтическія стремленія, общее тенденціозное меланхолическое отношеніе къ природѣ. Оттого Жуковского всегда влекло къ Фридриху; онъ склонялъ художника къ совмѣстному путешествію по Швейцаріи, украсилъ его картинами свой кабинетъ, тщательно пропагандировалъ въ Петербургѣ его произведенія. Послѣ перваго своего знакомства съ Фридрихомъ Жуковскій писалъ своимъ друзьямъ: «Фридриха я нашелъ точно такимъ, какимъ воображеніе мнѣ представляло его, и мы съ нимъ въ самую первую минуту весьма коротко познакомились. Въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго. Лицо Фридриха не поразить никого, кто съ нимъ встрѣтится въ толпѣ. Это сухощавый средняго роста человѣкъ, бѣлокурый, съ бѣлыми бровями, нависшими на глаза. Отличительная черта его фizioноміи есть простодушіе; таковъ онъ характеромъ... Онъ говоритъ безъ краснорѣчія, но съ живостью непритворнаго чувства, особливо, когда рѣчь коснется любимаго его предмета—природы, съ которой онъ какъ семьянинъ». Далѣе Жуковскій говоритъ, что хотя въ картинахъ Фридриха нѣтъ ничего мечтательнаго, но все-таки онъ трактуетъ сюжетъ не какъ артистъ, а какъ мыслитель, который видитъ въ природѣ символъ человѣческой жизни. Фридрихъ, по словамъ Жуковского, даже пренебрегаетъ правилами искусства; онъ пишетъ свои картины не для глазъ знатока живописи, а для души. И къ оцѣнкѣ другихъ произведеній Фридрихъ примѣнялъ такую душевную точку зрѣнія ¹⁾).

Въ письмахъ Жуковского разбросано нѣсколько замѣчаній, цѣнныхъ для изученія художественнаго творчества Фридриха. Онъ ожидалъ минуты вдохновенія, которое приходило къ нему часто во снѣ: «вдругъ какъ-будто кто-то разбудить; онъ вскочетъ, откроетъ глаза и, что душѣ надобно, стоитъ передъ глазами, какъ привидѣніе; тогда скорѣе за каран-

¹⁾ *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковского, 120.

дашь и рисуй! Отъ совмѣстнаго съ Жуковскимъ путешествія по Швейцаріи въ 1821 г. Фридрихъ отказался потому, что для творчества ему необходимо быть съ природой наединѣ. «Самый близкій другъ мой, говорилъ Фридрихъ, меня уничтожить, и бывши съ вами, я не буду годиться ни для себя, ни для васъ» ¹⁾).

Романтическая манера Фридриха ярко описана Жуковскимъ въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ 1826 г. по поводу одной его картины. У кладбищенскихъ воротъ ночью стоятъ двѣ горестныхъ тѣни—мужъ и жена; вдали виднѣется могила ихъ ребенка. Въ туманѣ виднѣются тѣни предковъ ребенка и ангель мира съ масличной вѣткой» ²⁾)... Въ 1829 г. въ мастерской Фридриха было три картины, изъ коихъ Жуковский готовъ былъ взять двѣ съ платой по пяти фридрихсдоровъ за каждую. Содержаніе картинъ видно изъ письма Фридриха къ Жуковскому—содержаніе романтическое: 1) Ein Judengrab, in flacher Gegend, beim letzten Strahl der Sonne, 2) Ein Christengrab: eine Mutter am Grabe ihres Kindes и 3) Ein auf felsen aufgerichtetes Kreuz ³⁾. Фридрихъ—художникъ, по мотивамъ, такъ сказать, кладбищенскій и могильный, въ духѣ романтизма Жуковского. Понятно, что Жуковский поддерживалъ его. Изъ писемъ Жуковского къ Пушкиной 1827 и 1828 г. видно, что Жуковский взялъ съ Фридриха обѣщаніе ежегодно весной присылать ему въ Петербургъ по двѣ картины ⁴⁾.

Такимъ путемъ Жуковский хотѣлъ поддержать художника, но повидимому, это благотворительное дѣло не выгорало, по слабости художника. Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ изъ Дрездена отъ 2 октября 1828 г. Жуковский, упоминаетъ мимоходомъ объ одной картинѣ Фридриха и замѣчаетъ: «Въ его мастерской не имѣется ничего особенно замѣчательнаго по части живописи». Но вотъ прошло 10 лѣтъ Фридрихъ впалъ въ болѣзнь и въ нужду, и Жуковский въ 1838 г. изъ-за границы пишетъ Наслѣднику Цесаревичу: «Здѣсь есть живописецъ Фридрихъ, котораго картины вамъ извѣстны, между прочимъ двѣ большія (лунная ночь и туманъ въ горахъ) въ Александріи. Этотъ бѣднякъ уже года четыре какъ въ параличѣ, писать не можетъ и терпитъ бѣдность. Государь былъ у него въ 1820 г.; тогда онъ сказалъ ему: «Фридрихъ, если будешь въ нуждѣ, дай мнѣ знать; я тебѣ помогу». Фридрихъ хотѣлъ воспользоваться этимъ теперь, когда въ самомъ дѣлѣ нужда настала..... Фридрихъ самый добрый и достойный человекъ. Онъ по не-

¹⁾ Зейдлицъ, 121, Загаринъ, 243, 245.

²⁾ Загаринъ, 329.

³⁾ Деятели. тѣхъ, I 425.

⁴⁾ Ib. 421, 422.

счастью пережилъ свое дарованіе; заступите теперь мѣсто государя и помогите ему. Позвольте мнѣ именемъ вашимъ, если сами не найдете времени, взять у него на одну или двѣ тысячи рублей рисунковъ и картинъ, чего найдется. Это будетъ доброе дѣло» ¹⁾). Такъ Жуковскій пришелъ къ устарѣвшему художнику на помощь черезъ 18 лѣтъ послѣ перваго съ нимъ знакомства, когда и та небольшая извѣстность, которой нѣкогда пользовался Фридрихъ, померкла, и даже снисходительный Жуковскій призналъ, что Фридрихъ пережилъ свое дарованіе».

¹⁾ Жуковскій, Сочиненія, VI, 266, 400.

В. А. Жуковскій и Лауницъ.

Въ 1843 г. Жуковскій писалъ изъ Дюссельдорфа къ Наслѣднику Цесаревичу о заказѣ гипсовъ художнику *Лауницу*, «доброму и почтенному». Онъ находилъ, что «гипсы выбраны съ умомъ, слѣплены съ оригиналовъ» и просилъ Цесаревича въ видѣ одолженія къ нему, Жуковскому, оказать особенное вниманіе Лауницу, который это заслуживаетъ и какъ артистъ, ученикъ Торвальдсена, теперь уже знаменитый въ Европѣ, и какъ человѣкъ, душою преданный Цесаревичу» ¹⁾.

Жуковскій былъ правъ въ своихъ похвалахъ Лауницу. Скульпторъ Лауницъ (1797—1869), ученикъ Торвальдсена, оставилъ много превосходныхъ произведеній. Въ 40-е годы талантъ его былъ въ расцвѣтѣ. Главныя его произведенія находятся во Франкфуртѣ на Майнѣ, скульптурныя украшенія городского театра, колоссальныя аллегорическія статуи въ старой биржѣ, превосходный памятникъ Гутенбергу ²⁾.

Изъ русскихъ людей, друзей Жуковского, Лауница хорошо зналъ и ему покровительствовалъ Н. М. Смирновъ. Онъ въ 1836 г. въ письмѣ къ Жуковскому называлъ Лауница «знаменитымъ» и совѣтовалъ сдѣлать маленькія статуи выдающихся русскихъ писателей и государственныхъ дѣятелей ³⁾.

¹⁾ *Жуковскій*, Сочиненія, изд. 1885, VI, 451.

²⁾ *А. Сомовъ*, въ *Энцикл. Слов. Брокгауза*, XXXIII, 395.

³⁾ *Русск. Арх.* 1899, стр. 626.

В. А. Жуковский и Клара.

Жуковский въ своемъ покровительствѣ художникамъ наряду съ цѣлями собственно филантропическими прислѣдовалъ интересы развитія искусства, что выразилось въ его заботахъ о живописцѣ Кларѣ. Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ Дрездена въ Октябрѣ 1826 г. Жуковский настойчиво просилъ объ отпускѣ съ нимъ за границу Клары для художественнаго образованія». Клара одаренъ истиннымъ талантомъ къ живописи; онъ можетъ сдѣлаться отличнымъ художникомъ. До сихъ поръ онъ былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ совершенствованію; онъ никогда не изучалъ природы, а только отгадывалъ ее. Императоръ Александръ возымѣлъ мысль опредѣлить его граверомъ въ Эрмитажъ. Оставаясь въ Петербургѣ, онъ никогда не увидитъ тѣхъ прелестныхъ видовъ, которые онъ встрѣчаетъ здѣсь на каждомъ шагѣ; онъ загложнетъ въ своей рутинѣ, и его замѣчательный талантъ никогда не достигнетъ своего развитія. Моя просьба, продолжаетъ Жуковский, заключается въ томъ, чтобы исходатайствовать ему соизволеніе Его Императорскаго Величества пребыть еще три года за границею съ сохраненіемъ содержанія (съ 1 янв. 1827 г.). Тогда онъ увидитъ Италію и вернется въ Россію, усовершенствовавъ свои дарованія, хорошимъ художникомъ и счастливымъ на всю жизнь. Присовокупляю здѣсь, что онъ совершенно бѣденъ и долженъ содержать престарѣлую мать, что было для него весьма трудно, потому что его талантъ доставляетъ ему до сихъ поръ очень скудные средства ¹⁾.

Черезъ три мѣсяца, въ январѣ 1827 г., Жуковский въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ возобновляетъ свою просьбу и умоляетъ Императрицу передать ее Государю. Въ добрыхъ дѣлахъ Жуковский былъ очень настойчивъ. Просьба Жуковского достигла цѣли, но, кажется, Клара не была ея достойна. Изъ писемъ Жуковского къ Е. Г. Пушкиной видно, что Клара въ концѣ 1827 г. была уже за границей и, пользуясь хлопотанной для него Жуковскимъ матеріальной поддержкой, не давалъ ни отчета, не писалъ ничего самому Жуковскому.

¹⁾ Жуковский, Сочиненія, изд. Ефремова, 1885, VI, 265, 273.

Въ ноябрѣ 1827 г. Жуковскій писалъ Пушкиной: «теперь просьба—дайте знать что-нибудь о Кларѣ. Въ Дрезденѣ ли онъ и что дѣлаетъ?», въ февралѣ 1828 г.: «Не знаете ли чего о Кларѣ? Прошу сказать ему, чтобы онъ меня увѣдомилъ. Послѣ перваго мая нужно свидѣтельство о жизни Клары; безъ этого ему не выдадутъ жалованья, а самъ онъ не подумаетъ». Въ 1829 г. Жуковскій выслалъ за границу на имя матери Клары 500 руб. и просилъ Пушкину передать ему, что «онъ весьма бы нехудо сдѣлалъ, когда бы хоть разъ въ жизни ко мнѣ написалъ и увѣдомилъ, что дѣлаетъ и что хочетъ дѣлать. Онъ удивительный чудакъ!». И далѣе слѣдуетъ новое напоминаніе о представленіи отчета для получения жалованья. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на очевидную неблагодарность этого сомнительнаго художника, Жуковскій черезъ Пушкину совѣтуетъ ему поѣхать въ Римъ и въ Швейцарію, и въ случаѣ поѣздки въ Римъ предлагаетъ свои рекомендаціи. «Не хочетъ ли въ Римъ? Гагаринъ мнѣ знакомъ, да и вамъ онъ родня; можно будетъ дать ему туда рекомендательное письмо. Также и въ Швейцарію къ Сѣверину ¹⁾».

¹⁾ Девятиад. опъ I 421, 422, 425.

В. А. Жуковскій и Боссе.

Жуковскій, по своему добродушію, повидимому иногда ходатайствовалъ за такихъ нѣмецкихъ художниковъ, которые не имѣли достаточно таланта пробить себѣ дорогу собственными силами. Повидимому, нѣмецкіе художники назвали путь къ русскому поэту-филантропу. Въ маѣ 1828 г. Жуковскій писалъ изъ Петербурга въ Дрезденъ Пушкиной: «Скажите отъ меня, прошу васъ, Боссе, живописцу, что я ничего для него не могъ сдѣлать: говорилъ о его картинахъ съ княземъ Волконскимъ; онъ отсылаетъ меня къ Оленину. Оленинъ отсылаетъ меня къ Волконскому. Нѣтъ никакого толку. Пускай Боссе напишетъ Оленину официальное письмо и пускай означить въ этомъ письмѣ, что имъ по условію исполнено, т. е. сколько картинъ у него готово, и пускай пришлетъ это письмо мнѣ» ¹⁾).

Перечисленными именами не органичивается кругъ отношеній и связей Жуковского съ современными художниками. И въ Россіи, и за границей онъ искалъ сближенія съ ними, пользовался всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы съ одной стороны обогатить свои художественныя впечатлѣнія, и не упускалъ ни малѣйшей возможности поддержать художниковъ, въ видѣ рекомендаціи ихъ произведеній, посредничества, покушки, стипендіи для однихъ, пансіона для другихъ.

¹⁾ Деятели. въ кн., I 423.

Пребываніе В. А. Жуковскаго въ Харьковѣ и въ Полтавѣ.

Въ 1837 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, по достиженіи совершеннолѣтія, совершилъ путешествіе по Россіи въ сопровожденіи ген.-ад. Кавелина, флиг.-ад. Юрьевича и своего воспитателя поэта В. А. Жуковскаго. По образному выраженію Жуковскаго, Наслѣдникъ Цесаревичъ вступилъ во «всенародное обрученіе съ Россіей». Въ теченіе семи мѣсяцевъ онъ объѣхалъ тридцать губерній и первый изъ членовъ Царствующаго Дома посѣтилъ отдаленную Сибирь. Во время путешествія имъ было принято 16,000 прошеній большей частью о пособіи. По Высочайшему повелѣнію, всѣ вѣдомства должны были безотлагательно заниматься рассмотрѣніемъ и удовлетвореніемъ прошеній, поступившихъ на имя Наслѣдника Цесаревича. Путешественники ѣхали быстро, останавливались въ городахъ на день, на два. Жуковскій писалъ Императрицѣ, что путешествіе это—первое знакомство Наслѣдника съ Россіей—должно имѣть большую нравственную пользу по глубинѣ неизгладимыхъ впечатлѣній. «Прекрасное сердце нашего безцѣннаго Путешественника, замѣчаетъ Жуковскій, пьетъ полную чашу удовольствія, видя, какъ русскій народъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ принимаетъ его» ¹⁾. Со 2 мая по 10 декабря были посѣщены и осматрѣны многіе города Россіи, въ томъ числѣ Воронежъ, Харьковъ, Полтава.

Въ августъ и октябръ въ придѣлахъ южной Россіи, направляясь въ Вознесенскъ на большой смотръ войскъ, проѣхали еще почти одновременно Императрица Александра Θεодоровна съ Великой Княжной Маріей Николаевной и Великая Княгиня Елена Павловна.

Императрица прибыла въ Харьковъ по пути въ Вознесенскъ 18 августа и выбыла 20 августа, послѣ подробнаго осмотра городскихъ учреждений. Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ вечеромъ 22 августа и, переночевавъ въ Харьковѣ, утромъ 23 августа отправился въ дальнѣйшій путь къ Полтавѣ. На обратномъ пути Императрица пробыла въ Харьковѣ также

¹⁾ Русск. біографич. словарь, I, 423.

два дня 8 и 9 октября и Наслѣдникъ Цесаревичъ на этотъ разъ два дня, съ 11 по 13 октября ¹⁾).

Высокія Особы останавливались въ старомъ университетскомъ корпусѣ, гдѣ помѣщается квартира попечителя учебнаго округа, въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ лѣтъ 50 до того времени, до основанія университета, останавливалась Императрица Екатерина II.

Первое впечатлѣніе отъ Харькова, вынесенное въ августѣ, было, должно быть, не особенно благопріятное. Въ то время стояла дурная погода и была глубокая грязь. Экипажъ Великой Княгини Елены Павловны на Екатеринославской улицѣ такъ основательно увязъ въ грязи, что Великая Княгиня пересѣла въ коляску губернатора, князя Трубецкого ²⁾).

Жуковскій могъ пробыть въ Харьковѣ лишь во второй проѣздѣ, когда онъ провелъ здѣсь съ наслѣдникомъ Цесаревичемъ два дня.

Передъ Харьковомъ лежала на пути Полтава, въ то время мало чѣмъ уступавшая Харькову. Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Полтаву вечеромъ, 3 октября, и на другой день, 10 октября, осматривалъ полтавскія учебныя заведенія. Директоръ полтавскихъ народныхъ училищъ князь Цертелевъ въ донесеніи своемъ попечителю харьковского учебнаго округа (Полтавская губернія тогда входила въ составъ харьковского учебнаго округа) сообщалъ слѣдующее объ осмотрѣ полтавской гимназіи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Жуковскимъ.

«За полчаса до прибытія въ гимназію Его Высочества, посѣтилъ сіе заведеніе знаменитый поэтъ нашъ В. А. Жуковскій. Обласкавъ учащихся и учащихся, онъ обратилъ вниманіе свое на классическія занятія учениковъ, разсматривалъ образцы чистописанія, географическія карты, составленныя учениками, опыты ихъ въ рисованіи и черченіи и въ особенности упражненія въ русской словесности, которыя были представлены его превосходительству въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ повременно поступали они къ директору, т. е. съ поправками и замѣчаніями, сдѣланными директоромъ и учениками. При разсмотрѣніи ученическихъ занятій директоръ училища просилъ достопочтеннаго гостя обратить особенное свое вниманіе на упражненія ученика гимназіи Лукашевича, окончившаго курсъ въ 1837 году и поступившаго въ харьковскій университетъ. Знаменитый поэтъ, замѣтивъ въ упражненіяхъ Лукашевича признаки поэтическаго таланта, взялъ отъ директора записку объ этомъ молодомъ человѣкѣ, съ намѣреніемъ видѣть его въ Харьковѣ».

Вскорѣ пріѣхалъ въ гимназію Наслѣдникъ Цесаревичъ. Жуковскій присутствовалъ при обзорѣ гимназіи. По отѣздѣ Наслѣдника Престола

¹⁾ *Филаретъ*, Стат. опис. харьк. епарх., II, 79.

²⁾ *Харьк. календарь*, 1879, 436.

изъ гимназій, директоръ училища, по желанію Жуковскаго, доставилъ къ нему опыты учениковъ въ русской словесности и стихи, написанные преподавателемъ русскаго языка Бутковымъ на пріѣздъ Наслѣдника Цесаревича. Стихи были представлены Наслѣднику Жуковскимъ. Авторъ ихъ получилъ въ награду золотые часы, препровожденные ему Жуковскимъ черезъ директора гимназій ¹⁾).

Жуковскій ѣхалъ въ Харьковъ уже съ добрымъ намѣреніемъ относительно студента харьковскаго университета Лукашевича.

Въ Харьковѣ Жуковскій также сопутствовалъ Наслѣднику Цесаревича при осмотрѣ университета и губернской гимназій. Какъ литературный человѣкъ, онъ пошелъ здѣсь далѣе; онъ разыскалъ Гр. Ѳ. Квитку, познакомился съ нимъ, поддержалъ его совѣтами, взялся быть посредникомъ въ сношеніяхъ его съ редакціей «Современника», вообще, оказалъ самую дружественную и широкую поддержку скромному и робкому украинскому писателю. Черезъ два года, въ іюнѣ 1830 г., Квитка въ письмѣ къ Плетневу, вспоминая о Жуковскомъ, замѣтилъ: «Узнавъ его, нѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія».

И въ Полтавѣ, и въ Харьковѣ Жуковскій пробылъ недолго, около двухъ дней въ каждомъ городѣ; но и это кратковременное пребываніе не прошло безслѣдно. Жуковскій успѣлъ внести въ свой дорожный альбомъ рисунокъ Шведской могилы, успѣлъ сдѣлать нѣсколько добрыхъ дѣлъ. Одинъ древній философъ говорилъ, что нужно жить такъ, чтобы ни одинъ день не пропадалъ безслѣдно—*nulla dies sine linea*, и Жуковскій, у котораго не только поэзія, но и сама его личная жизнь были синонимомъ добродѣтели, не проводилъ ни одного дня, не вписавъ въ него хорошую страницу или въ формѣ мягкаго гуманнаго стихотворенія, или въ формѣ хорошаго, добраго дѣла.

¹⁾ Дѣло Архива кат. попеч. х. у. окр. 1837 № 2752.

Рѣчь проф. Н. Ф. Сумцова о В. А. Жуковскомъ въ Пушкин- ской школѣ 23 апрѣля.

Моя случайная рѣчь обращена не къ взрослымъ, здѣсь присутствующимъ, а къ вамъ, дѣти. Мнѣ хочется объяснить вамъ, чѣмъ и какъ вы можете чествовать память Жуковского.

Вспомнимъ сначала, что четыре года назадъ въ Харьковѣ было большое торжество въ честь великаго русскаго писателя Пушкина, и тогда заложено было то прекрасное училище, въ которомъ вы нынѣ учитесь.

Вспомните, что два мѣсяца назадъ вы принимали участіе въ чествованіи другого великаго писателя—Гоголя—вамъ тогда роздали книжки, вы участвовали въ живыхъ картинахъ, многихъ изъ васъ водили въ театръ на «Ревизора».

Сегодня вы призваны къ участію въ чествованіи современника и друга Пушкина и Гоголя—Василія Андреевича Жуковского. Изъ того, что вы сегодня услышите отъ вашихъ преподавателей, что потомъ сами прочитаете въ книжкахъ, вы узнаете, что Жуковскій былъ человѣкъ въ высшей степени добрый. Всю свою долгую жизнь онъ только и хлопоталъ о томъ, какъ бы принести побольше пользы людямъ, облегчить положеніе нуждающихся, утѣшить въ горѣ и несчастіи. Одновременно съ Пушкинымъ и Гоголемъ, иногда по взаимному съ ними дружескому соглашенію, Жуковскій создавалъ такіа произведенія, которыя развивали въ людяхъ добрыя чувства и пріохочивали къ чтенію хорошихъ книгъ. Въ добавокъ Жуковскій былъ отличнымъ учителемъ, умнымъ, добрымъ, ласковымъ, и онъ былъ счастливъ тѣмъ, что судьба послала ему въ ученики Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, Царя-Освободителя, доброе сердце котораго было открыто для всѣхъ добрыхъ внушеній. Великій Князь въ дѣтствѣ и юности учился у Жуковского и вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ по Россіи. Въ своихъ письмахъ онъ иначе не отзывался о своемъ учителѣ, какъ «мой добрый Жуковскій», «мой безцѣнный Жуковскій», достойный примѣръ для всѣхъ тѣхъ, кто сохранилъ привязанность и благодарность къ своимъ учителямъ и наставникамъ.

Но мы еще не объяснили, чѣмъ и какъ вы можете участвовать въ чествованіи памяти Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и другихъ великихъ русскихъ людей, вы—дѣти, люди маленькіе еще по самому вашему возрасту. Вы навѣрно думаете, что участіе ваше исчерпывается тѣмъ, что вы помолитесь на панихидѣ за упокой ихъ душъ, скажете отрывки изъ ихъ произведеній, примете участіе въ живыхъ картинахъ, получите на память книжечки. Все это для васъ, дѣти, полезно потому, что расширяетъ кругъ вашихъ свѣдѣній и закрѣпляетъ въ вашей памяти славныя имена; но всего этого еще мало и даже весьма мало. Постарайтесь такъ учиться и такъ жить, нынѣ и впослѣдствіи, по выходѣ изъ школы, чтобы быть достойными Пушкинской школы и всей своей жизнью чествовать память Жуковскаго, Пушкина и Гоголя, и это сдѣлать не такъ трудно, какъ кажется, если вы будете читать и полюбите ихъ сочиненія и если будете слѣдовать тѣмъ наставленіямъ, которыя слышите въ школѣ отъ вашихъ наставниковъ.

Многіе изъ васъ живутъ на далекихъ, глухихъ и бѣдныхъ окраинахъ, въ подвалахъ, въ темныхъ углахъ, среди грубыхъ и невѣжественныхъ людей. Многіе изъ васъ видятъ картины пьянства, буйства и часто сталкиваются съ такими людьми, съ языка которыхъ не сходитъ сквернословіе, которые и вамъ, и вашимъ ближнимъ раздаютъ пинки и удары и даже похваляются своей пьяной разнузданностью и дикой грубостью. Не подражайте имъ, ни на словахъ, ни на дѣлѣ, и помните, что вы учились для того, чтобы быть хорошими, не оскверняйте вашего дѣтскаго языка, вашего чистаго сердца—и такимъ образомъ вы уже будете чествовать память великихъ русскихъ людей, память Жуковскаго.

Идите далѣе, и старайтесь утѣшить тѣхъ, кто плачетъ отъ горя и обиды, помочь тому, кто нуждается въ вашей помощи, кому добрымъ словомъ, кому добрымъ дѣломъ, будьте утѣшеніемъ и опорой для вашихъ родителей, въ особенности въ дни ихъ болѣзни, нужды и горя, будьте всегда ласковыми и добрыми, и вы тогда будете гордостью Пушкинской школы, вы будете дорогими, уважаемыми членами общества, вы будете духовными дѣтьми добраго Жуковскаго. Итакъ, дѣти, пусть вся ваша добрая жизнь будетъ служить чествованіемъ добраго писателя. Жуковский въ своихъ стихахъ заявлялъ вамъ хорошее наслѣдство; онъ для васъ не умеръ, онъ живетъ и смотритъ теперь на васъ среди цвѣтовъ и зелени съ ласковой улыбкой, какъ добрый наставникъ.

Къ чествованію памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.

21-го февраля исполнится 50-лѣтіе со дня кончины Гоголя, а 12-го апрѣля 50-лѣтіе со дня кончины Жуковскаго. Вся Россія воздастъ тогда хвалу этимъ корифеямъ литературы, и Харьковъ внесетъ свою долю участія.

Уже теперь извѣстны нѣкоторыя предположенія. Извѣстно, что Общество грамотности готовитъ нѣсколько общедоступныхъ изданій. Извѣстно, что намѣчены университетскій сборникъ статей о Гоголѣ и Жуковскомъ, медали за изслѣдованія по русскому языку и литературѣ и торжественныя засѣданія историко-филологическаго Общества и педагогическаго отдѣла. Извѣстно далѣе, что городская училищная коммиссія представляетъ въ городскую управу свои соображенія по вопросу объ участіи города въ чествованіи памяти Гоголя и Жуковскаго; но краткій докладъ училищной коммиссіи касается только школъ и не трактуетъ вопроса по существу. Возможны и желательны еще другія дополнителныя рѣшенія; быть можетъ, не совсѣмъ лишними окажутся нижеслѣдующія соображенія по этому поводу:

Недавно Нѣмецкая улица переименована въ Пушкинскую, и населеніе очень быстро освоилось съ этой переменой. Можно сказать, что названіе улицы Нѣмецкою идетъ къ общему забвенію. Новое наименованіе, однако, нуждается еще въ осуществленіи думскаго постановленія о постановкѣ бюста Пушкина въ театральномъ скверѣ противъ Пушкинской улицы. Тогда, съ постановкой бюста, новое наименованіе будетъ окончательно закрѣплено, оформлено и, такъ сказать, монументально мотивировано.

21-го февраля 1902 г. слѣдовало бы переименовать Сумскую улицу въ улицу Н. В. Гоголя, и въ добавокъ къ такому новому наименованію, въ подкрѣпленіе его, поставить бюстъ Гоголя передъ зданіемъ драматическаго театра на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно стоялъ павильонъ, или въ началѣ сквера. Названіе улицы Сумской нынѣ представляется странной аномаліей, такъ какъ выѣздъ въ Сумы идетъ совсѣмъ съ противоположной части города. Что касается до мѣста постановки бюста Гоголя

передъ театромъ, то врядъ ли можно выбрать другое болѣе подходящее, въ виду громаднаго значенія «Ревизора» въ исторіи русскаго театра и драматической литературы. Сумская улица идетъ съ юга на сѣверъ и, какъ Гоголевская улица, она будетъ естественнымъ символомъ того направленія, какое при Гоголѣ и благодаря Гоголю получила малорусская словесность. Славесность эта съ Гоголемъ пошла на сѣверъ и обогатила русскую литературу новыми образами, новыми выраженіями и новыми богатыми духовными настроеніями.

12 апрѣля въ память Жуковского Рымарская улица могла бы получить новое, гораздо болѣе почетное названіе—улицы В. А. Жуковского, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можно было бы озаботиться постановкой бюста поэта въ маленькомъ скверѣ передъ зданіемъ женской Маріинской гимназіи, въ виду важнаго педагогическаго значенія Жуковского. Въ терминѣ Рымарская нѣтъ ничего такого, что заставляло бы дорожить имъ, что требовало бы его сохраненія для памяти потомства. Названіе Рымарская происходитъ отъ малорусскаго слова римарь, (заимствованнаго съ нѣмецкаго Riemer, т. е. сѣдельникъ, шорникъ), и означаетъ только, что на этой улицѣ нѣкогда процвѣталъ шорный промыселъ, какъ на Чеботарской—сапожный, на Кацарской—ковровый.

Въ результатѣ три хорошихъ параллельныхъ улицы, Гоголевская, Пушкинская и Жуковская, въ лучшей части города служили бы символомъ одного изъ лучшихъ періодовъ русской литературы, когда параллельно развивались три большихъ таланта, которые, при всемъ ихъ различіи въ складѣ ума и характера, всю жизнь были большими друзьями и дѣйствовали на почвѣ взаимнаго уваженія.

Вопросъ о переименованіи Сумской и Рымарской улицъ въ улицы имени Гоголя и Жуковского представляетъ, между прочимъ, педагогическій интересъ. На этихъ улицахъ и вблизи ихъ разбросано много средне-учебныхъ заведеній, пять женскихъ, два мужскихъ; тутъ намѣчено второе реальное училище. Тутъ, кромѣ того, нѣсколько высшихъ и много низшихъ учебныхъ заведеній. Для ума и сердца учащейся молодежи новыя названія не будутъ чужды, а, при извѣстномъ освѣщеніи, отчасти уже намѣченномъ въ предыдущихъ строкахъ, названія эти, въ связи съ бюстами, будутъ служить историческими и монументальными доказательствами общественнаго чествованія памяти великихъ дѣятелей русскаго просвѣщенія.

Въ заключеніе два слова о способѣ личнаго наименованія улицъ, какъ формѣ общественнаго чествованія. Намъ нѣтъ никакой надобности отъ него отказываться, такъ какъ такая форма существуетъ во всѣхъ культурныхъ странахъ. Она не лишена значенія въ связи съ другими

способами чествованія. Мы желали бы внести въ нее только маленькую поправку. Въ обществѣ и въ печати обнаруживается большая склонность къ прилагательнымъ формамъ. Говорятъ: Пушкинская улица, Скобелевская площадь и т. д., и пусть говорятъ. Въ основѣ такого приѣма лежитъ общій законъ сбереженія силы въ формѣ возможныхъ сокращеній и упрощеній. Но такая прилагательная форма чествуемыхъ собственныхъ именъ отличается духомъ принижающей нивелировки. Собственное имя хранить личное индивидуальное начало. Чѣмъ болѣе выдвигается это начало, тѣмъ ярче выступаетъ уважительное отношеніе къ личности. Потому, въ почетныхъ наименованіяхъ улицъ, школъ и проч. нужно не только сохранять неизмѣнно фамилію, но и обставлять ее, гдѣ возможно именемъ и отчествомъ чествуемаго лица. Потому, пусть въ обиходѣ для простоты и удобства будутъ улицы Пушкинская, Гоголевская и друг. т. п. Но, такъ сказать, официально, на доскахъ, въ постановленіяхъ думы должно быть соблюдаемо полное наименованіе: улица въ память Александра Сергѣевича Пушкина, улица въ память Николая Васильевича Гоголя и т. д., какъ наименованіе индивидуальное.

Въ одномъ и томъ же скверѣ, на двухъ противоположныхъ его концахъ, окажутся два бюста—Пушкина и Гоголя, тѣмъ лучше! Пушкинъ былъ другомъ и покровителемъ Гоголя. Онъ далъ темы для лучшихъ его произведеній—«Мертвыхъ душъ» и «Ревизора». Друзья и враги у нихъ были общіе. Когда Гоголь читалъ первыя главы «Мертвыхъ душъ», на литературномъ вечерѣ А. О. Россетъ, Пушкинъ, по своей привычкѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился передъ Гоголемъ, положилъ ему обѣ руки на плечи, долго смотрѣлъ на него и сказалъ ему: «Умница!» и затѣмъ поцѣловалъ его въ лобъ, въ знакъ одобренія.

А близкій къ нимъ бюстъ Жуковского долженъ напоминать, какъ Жуковский любилъ Пушкина и Гоголя и какъ часто онъ выручалъ ихъ изъ затрудненій, можетъ напомнить, въ частности, тотъ эпизодъ, какъ на одномъ литературномъ чтеніи Пушкина Жуковский подошелъ къ нему и поцѣловалъ, сказавъ: «Ты, ты—мое неоцѣненное сокровище»!

Примѣчаніе. Статья эта была напечатана въ № 7265 «Южн. Края» 1902 г. Изъ предложеній, высказанныхъ въ статьѣ, городской думой принята постановка бюстовъ.

Малорусскій элементъ въ творествѣ Н. В. Гоголя.

Недавно въ печати было высказано замѣчаніе, что «малорусская словесность съ Гоголемъ пошла на сѣверъ и обогатила русскую литературу новыми образами, новыми выраженіями и новыми богатыми духовными настроеніями». Это краткое и мимолетное замѣчаніе, съ одной стороны, вызвало возраженіе, что малорусской словесности лучше было оставаться въ нарочито невеликомъ городѣ Миргородѣ, а съ другой стороны—послышались голоса противъ хохлацкихъ духовныхъ настроеній, которыя, разумѣется, нельзя примирить съ домостроевскими представленіями о красотѣ и благородствѣ. Какъ бы то ни было, фактъ безспорный, что малорусскій элементъ имѣлъ огромное значеніе въ творествѣ Гоголя.

Въ письмѣ къ А. О. Россетъ-Смирновой 1844 года Гоголь говоритъ: «Скажу вамъ одно слово на счетъ того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это служило предметомъ вашихъ разсужденій, и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой; явный знакъ, что онѣ должны пополнить одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго были даны имъ не похожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись въ едино составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ».

Это общій взглядъ; но за нимъ скрываются такіе душевные запасы куда Гоголь не пускалъ даже близкихъ своихъ друзей, которые онъ ревниво и заботливо хранилъ про себя и только для себя. Изъ этой таинственной сокровищницы онъ извлекалъ лучшія свои произведенія, наиболѣе сильные и оригинальные художественные образы, самыя мѣткія выраженія. Гоголь сознавалъ, что по его сочиненіямъ можно заглянуть въ тайныя кладовыя его духа, и потому онъ прямо запрещалъ изученіе своихъ произведеній. «На сочиненіяхъ моихъ не основывайтесь, писалъ

онъ въ томъ же 1844 г., и не выводите отсюда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ... Въ нихъ, точно, есть кое-гдѣ хвостики душевнаго моего состоянія, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто не замѣтитъ и не увидитъ» ¹⁾. Такъ ли? Съ этимъ нельзя согласиться. При серьезномъ изученіи произведеній писателя всегда уловляются «хвостики душевнаго состоянія».

Т. Г. Шевченко свой личный житейскій опытъ называлъ «коморой», что выразилъ въ художественной формѣ, какъ тяжелые годы ссылки изъ его «коморы».

Багато де чого взяли...

И въ море нышкомъ однесли

И нышкомъ проковтнуло море.

И у Гоголя, въ его украинской душѣ, была такая «комора», свѣтлая, залитая южнымъ солнцемъ, полная яркими впечатлѣніями «невозвратно мелькнувшаго» дѣтства, съ украинскими лѣтними ночами, украинскими тополями, съ чуднымъ Днѣпромъ, съ звонкимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, съ кобзарями, чумаками, аистами на крышахъ хатъ и безконечнымъ разливомъ въ то время еще хрустально-чистой малорусской народной пѣсни. Хранилъ Гоголь этотъ завѣтный уголокъ своей хохлацкой души, какъ хранить религиозное чувство, скромно, осторожно, боязливо, чтобы не прикоснулись къ нему грязными руками и не осквернили насмѣшкой или сыскомъ.

Когда Гоголь двадцатилѣтнимъ юношей переселился изъ Малороссіи въ Петербургъ, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ того времени, Александра Осиповна Россетъ, отмѣтила въ своихъ «Запискахъ:» Я увѣрена, что сѣверное небо давить Гоголя, какъ свинцовая шапка: порой оно бываетъ такое тяжелое... Я общала Пушкину бранить бѣднаго хохла, если онъ будетъ слишкомъ грустить въ сѣверной Пальмирѣ, гдѣ солнце всегда имѣетъ такой болѣзненный видъ» ²⁾. И эта умница «колибри»; какъ Жуковскій называлъ Россетъ за ея маленькій ростъ, эта красавица, «Саша черненькая», какъ называли ее при Дворѣ, гдѣ она была фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны, такъ «бранила» «бѣднаго хохла», что онъ при всей его замкнутости и скрытности, сталъ вполне довѣрять ей, какъ одному изъ лучшихъ своихъ друзей и доброжелателей. Прошло семь лѣтъ, и Гоголь почти навсегда оставилъ угрюмый сѣверъ и удалился сначала въ болѣе теплую Западную Германію, наконецъ подъ жаркое солнце Рима.

¹⁾ Гоголь, Письма изд. Маркса, II, 577.

²⁾ Смирнова, Записки, I, 43.

А. С. Хомяковъ, одинъ изъ столповъ стараго славянофильства, прекрасно знавшій Гоголя, одно время совмѣстно съ нимъ жившій въ Эмѣ, въ послѣдній годъ своей жизни писалъ, что «Гоголь любилъ Малороссію искреннѣе, полнѣе, непосредственнѣе; всю Русь любилъ онъ больше, много требовательнѣе. Въ первыхъ своихъ твореніяхъ живой, искренній, коренной малороссъ, онъ шелъ не колеблясь, полный тѣхъ народныхъ стихій, отъ которыхъ, къ счастью своему, Малороссія никогда не отказывалась» ¹⁾—замѣчательная оцѣнка со стороны такого живого, искренняго и коренного великороса, какимъ былъ А. С. Хомяковъ.

Мѣсяца два тому назадъ вышло большое и цѣнное изслѣдованіе профессора гельсингфорскаго университета Мандельштама о характерѣ гоголевскаго стиля. Отдѣльная обширная глава посвящена опредѣленію малороссійскаго элемента въ стилѣ Гоголя ²⁾. «Конечно, необходимо признать, говорить г. Мандельштамъ, что горизонтъ поэтическаго творчества Гоголя расширяется постепенно. Первоначально художникъ ограничивается рисовкою картинъ изъ быта и преданій своей родины. Позже онъ обнимаетъ все болѣе далекій кругъ русской жизни; но у Гоголя всегда сохранился уголъ, куда заглядывать не позволялось никому, гдѣ онъ жилъ жизнью только малоросса; онъ чувствовалъ себя здѣсь свободнѣе, непосредственнѣе, правдивѣе и художественнѣе настроеннымъ. При направленіи мысли въ сторону Малороссіи, самый языкъ его преобразуется: онъ тогда становится чисто гоголевскимъ.

Когда поэтъ очутился вдали отъ родины, вдали отъ близкихъ, онъ естественно ловить всякій образъ, всякій намекъ на образъ, чтобы хотя мысленно перенестись туда, гдѣ все такъ дорого ему, все такъ любо, и на самомъ дѣлѣ мы замѣчаемъ каждый разъ стремленіе dahin, dahin, тяготѣніе въ сторону родимую. «Туда, туда, въ Кіевъ, писалъ Гоголь Максимовичу, въ древній, прекрасный Кіевъ»...

Анализируя языкъ Гоголя, г. Мандельштамъ говоритъ, что раннія его повѣсти представляютъ какъ бы переводъ съ умственного малорусскаго оригинала—такъ много въ нихъ малорусскихъ оборотовъ, словъ и выраженій. И въ позднѣйшихъ лучшихъ произведеніяхъ, даже въ самомъ крупномъ—въ «Мертвыхъ душахъ», мысли и чувства Гоголя лежатъ, главнымъ образомъ, на сторонѣ его малорусской душевной стихіи. Вездѣ, гдѣ только являются воспоминанія, напримѣръ, въ началѣ VI главы, они дышатъ необычайной теплотой и задушевностью чувства, а эти настроенія возможны были, разумѣется, лишь при условіи мысленнаго обра-

¹⁾ *Русская Бесѣда*, 1860, I, 15.

²⁾ *Мандельштамъ*, 194—241.

щенія къ Малороссіи, главной вдохновительницѣ Гоголя въ моменты его творческой дѣятельности.

По словамъ проф. Мандельштама, «дѣятельность мысли на малорусскомъ языкѣ давала Гоголю большую продуктивность... На родномъ языкѣ Гоголь былъ глубоко художественъ и глубоко правдивъ и поэтому, подчеркиваетъ проф. Мандельштамъ, именно высоко цѣнно было вліяніе малорусскаго языка на литературный языкъ русскій, воспринявшій эти элементы. У Гоголя замѣтно, какъ пользованіе то малорусскимъ, то русскимъ языкомъ даетъ мысли то или другое направленіе. Къ малорусскому языку Гоголь тѣмъ ближе, чѣмъ болѣе основная стихія его мировоззрѣнія, его юморъ, его чувство выступаетъ на первый планъ».

Съ выходомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» русскій литературный языкъ Гоголя совершенно окрѣпъ; но въ глубинѣ его души еще жила коренная малорусская стихія, жила она даже въ Римѣ, въ концѣ жизни Гоголя, но прорывалось лишь въ моменты сильнаго душевнаго волненія. Замѣчательный въ этомъ отношеніи эпизодъ рассказываетъ очевидецъ П. В. Анненковъ, извѣстный талантливый критикъ и публицистъ. Онъ жилъ въ Римѣ съ Гоголемъ на одной квартирѣ и записывалъ подъ его диктовку главы «Мертвыхъ душъ». Послѣ особенно удачныхъ главъ спокойствіе Гоголя, сохраняемое имъ во время диктовки, иногда прерывалось, и онъ весь отдавался самой шумной веселости. Такъ, продиктовавши VI главу (много личныхъ воспоминаній; характеристика Плюшкина), Гоголь позвалъ Анненкова гулять, завернулъ въ глухой переулокъ, «здѣсь принялся пѣть разгульную малороссійскую пѣсню и вдругъ пустился просто въ плясъ и сталъ вывертывать зонтикомъ въ воздухѣ такія штуки, что не далѣе двухъ минутъ ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону. Онъ быстро поднялъ отломанную часть и продолжалъ пѣсню».

Такъ живуча и устойчива была въ душѣ Гоголя родная малорусская стихія, которую онъ тщательно берегъ про себя, не обнаруживая ее даже въ письмахъ, совершенно обезцвѣченныхъ имъ въ національномъ отношеніи.

. Какое утѣшеніе

Ты познавалъ взаимнѣ скорбей,

Когда предметъ для вдохновенья

Ты бралъ у родины своей,

Когда писалъ ты про Украину...

Въ Украинѣ съ дѣтства живши самъ,

Ты весь проникся ея духомъ,

Ты близокъ сталъ къ ея мечтамъ,
И ты писалъ... Твои творенья
Украина любить и, любя,
Сегодня чтить она тебя....

И не одна Украина, а вся Россія, та коллективная, сплошная Русь, которой Гоголь посвятилъ такъ много любовныхъ, восторженныхъ строкъ, и не одна Россія, а весь славянскій міръ сегодня торжественно чтить память Н. В. Гоголя, какъ одного изъ самыхъ сильныхъ представителей литературнаго творчества. Но какъ бы ни было широко въ междуна-
родномъ отношеніи это чествованіе, въ творествѣ Гоголя должна быть признана основная малорусская стихія его душевнаго склада, та скинія завѣта, куда онъ входилъ въ моменты духовнаго творчества и съ кото-
рой знакомилъ лишь отчасти въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, откуда онъ главнымъ образомъ черпалъ силу слова и выразительность для сво-
ихъ художественныхъ образовъ. Эта скинія завѣта—малорусская народ-
ность. Двѣ другихъ благотворныхъ силы гоголевскаго творчества—Жу-
ковскій и Пушкинъ, но о нихъ рѣчь особо.

Къ вопросу о творествѣ Н. В. Гоголя.

Въ первой книгѣ новаго Харьковскаго журнала «Мирный Трудъ» напечатана статья М. П. Савинова «О творествѣ Гоголя».

Основная мысль въ статьѣ М. П. Савинова, какъ указываетъ авторъ въ подстрочномъ примѣчаніи, принадлежитъ проф. Потебнѣ. Мысль эта состоитъ въ томъ, что поэтическое творчество является для авторовъ средствомъ самоопредѣленія и самосовершенствованія. Въ приложеніи къ Гоголю разсмотрѣнъ лишь одинъ типъ Хлестакова, въ которомъ, по мнѣнію автора, Гоголь выдѣлилъ и осудилъ нѣчто личное и субъективное. Въ статьѣ г. Савинова много интереснаго, но и много спорнаго. Въ значительной степени спорной представляется самая основная мысль Потебни, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, какъ она выражена и опредѣлена на частныхъ примѣрахъ въ статьѣ М. П. Савинова. Вопросъ еще, дѣйствительно ли поэтическое творчество «безъ всякаго сомнѣнія» ведетъ автора къ «самоопредѣленію» и помогаетъ ли оно ему всегда въ «самосовершенствованіи». Самое понятіе о творествѣ включаетъ въ себѣ много расходящихся въ разныя стороны нюансовъ. Въ процессѣ «творчества» иногда берутъ перевѣсъ такія душевныя силы, которыя ведутъ не къ самоусовершенствованію, а, наоборотъ—къ разрушенію физическаго и моральнаго здоровья. Ограничиваясь частнымъ примѣромъ—типомъ Хлестакова, мы могли бы думать, что Гоголь, въ характерѣ котораго дѣйствительно проскальзывали хлестаковскія черты, создавъ «Ревизора», объективировалъ всю свою личную хлестаковщину, осмѣялъ ее, осудилъ и очистился отъ нея въ горнилѣ своего «творчества». Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Хлестаковскія черты Гоголя послѣ «Ревизора» обнаруживаются рѣзче и отчетливѣе, и въ концѣ жизни его прорываются такъ отчетливо въ «Перепискѣ», что самъ Гоголь замѣтилъ это и строго осудилъ самого себя въ письмахъ своихъ къ Жуковскому. Гдѣ же тутъ «самоусовершенствованіе» отъ процесса «творчества»? и, наоборотъ,, не закрѣпилъ ли этотъ процессъ въ чуткой душѣ художника литературный типъ до такой степени, что къ нему стала тянуть живая душа.

Поэтическое творчество, какъ процессъ, ничего общаго съ моральною не имѣетъ, и если отъ него получается «самоусовершенствованіе» въ моральномъ смыслѣ, то такой благопріятный результатъ складывается подъ вліяніемъ многихъ факторовъ очень тонкаго и деликатнаго душевнаго свойства, потому въ большинствѣ чрезвычайно трудно поддающихся научному анализу. Если бы литературное творчество тѣсно было связано съ нравственнымъ творчествомъ, то всѣ плодотворные и пожившіе долго писатели къ концу своей жизни сдали бы своимъ литературнымъ типамъ всѣ свои недостатки и стали святѣе самого безгрѣшнаго папы римскаго, а среди современныхъ намъ писателей нашлось бы не мало такихъ, которые заслуживали бы помѣщенія въ святцахъ.

Кстати скажемъ еще о приведенномъ выраженіи Лермонтова, что онъ отдѣлялся отъ образа демона стихами. Не довѣрять признанію поэта, разумѣется, мы не имѣемъ достаточнаго основанія, но ничто не мѣшаетъ намъ думать, что стихи давали поэту выходъ лишь въ настроеніи, но вовсе не устраняли самаго образа, который снова и снова являлся привычному къ нему воображенію. Давая поэту временное облегченіе, стихи ничего не прибавляли къ его самоусовершенствованію. Напротивъ, питаемый стихами назойливый демонизмъ сбивалъ несчастнаго горячаго поэта съ пути простыхъ, ласковыхъ и дружественныхъ житейскихъ отношеній, развивалъ его рѣзкость и заносчивость и былъ ближайшей причиною его преждевременной горестной кончины отъ пули Мартынова.

Намъ могутъ сказать, что «самоусовершенствованіе» нужно понимать какъ-нибудь иначе, но, какъ бы ни понимать этотъ терминъ, элемента марали изъ него устранить нельзя, и въ такомъ частномъ примѣненіи, какъ хлестаковщина, моральное значеніе литературнаго творчества не подлежитъ сомнѣнію.

Еще два слова о пользованіи письмами Гоголя. Матеріалъ этотъ важный, но въ приложеніи къ Гоголю чрезвычайно скользкій. Въ письмахъ Гоголя множество противорѣчій, много такого, что вызываетъ сомнѣніе и требуетъ большой и осторожной провѣрки. Многія письма написаны съ несомнѣннымъ расчетомъ на то, что они будутъ многими прочитаны, будутъ даже современемъ опубликованы, и тутъ то труднѣе всего разобраться, гдѣ у Гоголя *Warheit* и гдѣ *Dichtung*. Въ 5 пунктѣ своего «завѣщанія», въ началѣ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки», Гоголь возлагаетъ на своихъ друзей обязанность собрать и издать его письма, написанныя съ 1844 г. Въ другомъ мѣстѣ «Переписки», въ первыхъ же строкахъ, находится замѣчаніе Гоголя, что въ его письмахъ находится болѣе нужнаго для человѣка, чѣмъ въ его сочиненіяхъ». Исторія, какъ извѣстно, дала совсѣмъ обратный приговоръ.

Особенно осторожно нужно относиться къ тѣмъ письмамъ Гоголя, весьма многочисленнымъ, гдѣ онъ выставляетъ свои пороки, недостатки—или осуждаетъ себя и кается. Къ такимъ весьма ненадежнымъ матеріаламъ для изслѣдователя принадлежитъ и то письмо, гдѣ Гоголь говоритъ, что онъ надѣлялъ своихъ героев своими собственными «гадостями». Если повѣрить Гоголю, то въ немъ жили Плюшкинъ, Хлестаковъ, Собакевичъ, Ноздревъ и др. его герои: но тутъ Гоголю вѣрить нельзя. Если бы его герои хотя въ малой части воплощали личныя свойства автора, то Гоголь былъ бы чудовищнымъ вмѣстилищемъ чрезвычайно многочисленныхъ и разнообразныхъ пороковъ, и отъ него бѣжали бы всѣ крещенные люди. Нужно тогда только удивляться, откуда у Гоголя могли взяться такіе друзья, какъ А. С. Пушкинъ, В. А. Жуковскій, А. О Россетъ-Смирнова, художникъ Ивановъ. Неужели они были такъ недалководидны, что не разсмотрѣли въ Гоголѣ Хлестакова, Плюшкина, Ноздрева? Въ дѣйствительности Гоголь былъ гораздо лучше, чѣмъ онъ самъ расписывалъ себя въ письмахъ, и своихъ знаменитыхъ героев онъ нашелъ на сторонѣ, въ сравнительно простыхъ формахъ, а крупными литературными типами сдѣлалъ ихъ художественный геній.

Во всякомъ случаѣ статья, г. Савинова принадлежитъ къ числу тѣхъ статей, которыя читаются съ интересомъ и съ пользой, вызываютъ сомнѣніе, пробуждаютъ споры и, такимъ образомъ, содѣйствуютъ развитію живыхъ литературныхъ интересовъ.

Жуковско-Гоголевская выставка.

Внѣшняя обстановка не отличается удобствами. Такъ входъ на выставку за плату—36; коп., съ учащихся 12 коп.; каталога нѣтъ личныя объясненія можно было получить только въ первыхъ двухъ залахъ, въ первой отъ студента, во второй отъ дѣвицы, особы любезной, но не особенно освѣдомленной. Личныя объясненія тѣмъ неудобны, что они имѣютъ характеръ личнаго одолженія, и, если барышня съ женскимъ тактомъ сумѣла сгладить эту неудобную сторону, то въ манерѣ студента она выступала отчетливо. Поневолѣ приходилось слушать, поучаться и быть благодарнымъ за оказанное вниманіе, поневолѣ потому, что мѣстами не было даже объяснительныхъ ярлычковъ. При этомъ все-таки оставалась неувѣренность въ точности нѣкоторыхъ комментарій, даваемыхъ словесно, притомъ лицами, очевидно, неполнѣ компетентными въ области литературныхъ изученій, иногда очень спорныхъ. Печатный каталогъ давалъ бы болѣе прочную опору, такъ какъ за такимъ каталогомъ предполагается ручательство солиднаго научнаго учрежденія или отдѣльных авторитетныхъ специалистовъ.

Жуковскому отведена одна небольшая зала—маловато! Жуковскій пятьдесятъ лѣтъ работалъ, не покладая рукъ, въ литературѣ, въ искусствѣ, въ филантропіи. У него было болѣе личныхъ и литературныхъ связей, чѣмъ у кого-либо другого изъ современныхъ писателей, болѣе, чѣмъ у Карамзина, болѣе, чѣмъ у Пушкина. Отъ Жуковского несомнѣнно, осталось множество предметовъ.

Выставка, во всякомъ случаѣ, интересна, какъ юбилейный аксессуаръ.

Очень скудно и бѣдно представленъ художественный отдѣлъ, всего въ одной витринѣ, десятка два рисунковъ Жуковскаго акварелью, карандашомъ и перомъ. Мнѣ говорили, что выставлена одна папка изъ 15, и, если это вѣрно, то невольно возникнетъ вопросъ, зачѣмъ такая скудость въ такомъ интересномъ и недоступномъ отдѣлѣ, зачѣмъ такая скудость при широкомъ просторѣ помѣщенія, когда пятая зала осталась на половину пустой. Несомнѣнно, однако, что выставленные рисунки—капля въ морѣ другихъ рисунковъ Жуковскаго. Вблизи историческаго музея, въ

Румянцевскомъ музеѣ въ настоящее время временно находится одна въ высшей степени замѣчательная коллекція рисунковъ Жуковскаго, около 250 №№ 1837 года. Изъ писемъ Гоголя, Жуковскаго, Смирнова и друг. лицъ извѣстно, что Жуковскій въ Швейцаріи, въ Римѣ, вообще за границей, въ 1821, 1839 и др. годы срисовывалъ виды, причемъ въ 1839 г. Гоголь былъ изумленъ быстротой его работы.

И то небольшое, что дано на выставкѣ, показываетъ, что Жуковскій былъ отличный рисовальщикъ, хорошо владѣлъ перомъ и карандашомъ, большой мастеръ въ акварели. Къ заграничнымъ рисункамъ относится «Монастырь» съ датой 18 января 1839 г. Лучшія акварели—нѣсколько изображеній играющаго на роялѣ Майера и старухи Протасовой. Изъ рисунковъ перомъ и карандашомъ можно отмѣтить нѣсколько женскихъ эскизовъ. Дыханіемъ жизни являются юмористическія надписи Жуковскаго: на одномъ рисункѣ: «Г. Майеръ галлопируетъ на Бетховенѣ» (играетъ усиленно на роялѣ), на другомъ: «Молодая дѣвица, передающая сердце свое почтовой бумагой». Вопреки господствующему мнѣнію о Жуковскомъ, какъ о поэтѣ неизмѣнно грустномъ и меланхолическомъ, и въ поэзии, и въ рисункахъ и въ письмахъ его встрѣчается много добродушнаго юмора, во всѣ періоды его жизни, не только въ молодости, въ Арзамасѣ, но и въ старости въ сороковыхъ годахъ, какъ показываютъ его любопытныя письма съ рисунками къ графинѣ Ю. О. Барановой, изданныя въ послѣдней апрѣльской книжкѣ «Русской Старины».

Если на выставкѣ Жуковскаго недостаетъ иного такого, что къ нему непосредственно относится, то, съ другой стороны, есть кое-что лишнее. Лишнимъ мы считаемъ, напримѣръ, нѣсколько рисунковъ Шевченка, такъ какъ никакого отношенія къ Жуковскому они не имѣютъ. Лишнимъ мы считаемъ портретъ крѣпостного владѣльца Шевченка—помѣщика Энгельгардта. Карлъ Великій тогдашней живописи, Брюлловъ, ведшій одно время переговоры съ Энгельгардтомъ о выкупѣ Шевченка, вынесъ лишь то заключеніе что Энгельгардтъ—«амфибія» или «самая крупная свинья въ торжковскихъ туфляхъ».

Гоголевская выставка, сравнительно съ выставкой Жуковскаго, гораздо болѣе содержательна, благодаря, между прочимъ, тому, что ей незадолго предшествовала содержательная гоголевская выставка въ Нѣжинѣ, устроенная проф. М. Н. Сперанскимъ. Въ Москвѣ, къ тому, есть не мало лицъ, спеціально изучавшихъ Гоголя, напримѣръ, В. И. Шенрокъ, давно уже завоевавшій въ этомъ отношеніи почетную извѣстность, и проф. А. И. Кирпичниковъ, редактировавшій послѣднее сытинское изданіе, съ цѣннымъ въ началѣ «Опытомъ хронологической канвы къ біографіи Гоголя», построеннымъ на детальномъ изученіи жизни гениальнаго писателя.

Гоголевская выставка состоитъ преимущественно изъ портретовъ писателя, моделей его памятника и иллюстрацій къ его произведеніямъ (Боклевскаго, Лебедева, Бочарова, Микѣшина и др.).

Любопытно прослѣдить по портретамъ измѣненія въ наружности Гоголя. Красотой Гоголь никогда не отличался, но у него были красивые свѣтлые волосы, падавшіе на плечи, и довольно красивые, умные глаза. Въ молодости Гоголь франтилъ и не всегда удачно. При низенькомъ ростѣ и непомѣрно длинномъ и остромъ носѣ, его франтовитость производила комическое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что гениальный писатель, отвлекаясь въ мысляхъ въ высшій творческій міръ, не соблюдалъ ни мѣры, ни фасона, и по воспоминаніямъ Лонгинова, соединялъ иногда щегольство съ неряшествомъ. Въ молодости Гоголь завивалъ волосы и выпускалъ спереди хохолокъ, въ формѣ букли. Такова была мода, и Гоголь во многихъ портретахъ выглядитъ задорно «пѣтушкомъ», по словамъ одного его современника. На выставкѣ была красная бархатная жилетка. По свидѣтельству современниковъ, Гоголь любилъ яркіе цвѣта, зеленый фракъ, коричневые брюки, ярко-пестрый галстучекъ, дома работалъ иногда въ бархатномъ малиновомъ колпачкѣ, но, по капризу, онъ иногда облакался во все черное, или во все бѣлое. Когда наступилъ духовный переломъ, и силы пошли на убыль, наружность Гоголя измѣнилась, что отразилось и на его позднихъ портретахъ. С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ въ своемъ воспоминаніи о знакомствѣ съ Гоголемъ, что къ сороковымъ годамъ наружность Гоголя сильно измѣнилась; черты лица получили другое, болѣе мягкое выраженіе. Въ глазахъ выражалась доброта, а когда Гоголь задумывался, то обнаруживалось серьезное устремленіе къ чему то высокому.

Физиономія Гоголя всегда отличалась большой подвижностью, и портреты, нарисованные въ одно время, выходили весьма различными. Такъ, два лучшихъ портрета Гоголя, оба 1841 г., нарисованные въ Римѣ русскими художниками Ивановымъ и Моллеромъ, весьма различны по выраженію лица.

Внѣшняя скромная, въ молодости задорная, въ зрѣломъ возрастѣ сторбленная и усталая фигура великаго писателя туго поддается для монументальнаго изображенія, и это одна изъ причинъ, почему выставленные модели памятника Гоголя большей частью неудовлетворительны. Кромѣ стѣснительныхъ условій заданія, о чемъ уже говорилось въ печати, исключавшихъ барельефы, требовавшихъ непремѣнно сидячаго положенія, и въ самомъ существѣ задачи были очень большія трудности, и художники, очевидно, не одолѣли ихъ. Есть модели совсѣмъ неудачныя, слабыя, плохія.